

ОШО

ПУТЬ МИСТИКА

OSHO

ВЕСЬ

Путь мистика

Бхагаван Раджниш (Ошо)

Путь мистика

ИГ "Весь"

Раджниш (Ошо) Б. Ш.

Путь мистика / Б. Ш. Раджниш (Ошо) — ИГ "Весь", — (Путь мистика)

«Недалеко то время, когда твои беседы в Уругвае трансформируют мир», — сказал один из учеников Ошо. И сейчас, когда эти беседы стали главным ориентиром по духовному пути для миллионов искателей, мы понимаем, насколько прав оказался тот ученик... В книге, которую вы держите в руках, опубликованы уругвайские беседы Ошо. В них великий мистик говорит о том, что скрывают государства от искателей истины, почему тайны жизни всегда просты, но открываются не всем, почему среди мятежников больше просветленных и в чем заключается главная проблема человечества. Эту книгу одно время считали опасной. Поэтому будьте готовы к тому, что она шокирует вас, возмутит или даже выведет из равновесия — да так, что после прочтения вы больше не сможете смотреть на происходящее в мире по-старому... Вы готовы? Хотите знать правду? Тогда читайте!

© Раджниш (Ошо) Б. Ш.

© ИГ "Весь"

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Ошо

Путь мистика

Перевод с английского *И. Потаповой (Ma Prem Pūja)*

Оформление обложки *И. В. Орловой*

Ошо Путь мистика. – СПб.: ИГ «Весь», 2013. – (*Путь мистика*).

ISBN 978-5-9573-2672-4

ОШО является зарегистрированной торговой маркой и используется с разрешения Osho International Foundation; www.osho.com/trademarks

Все права защищены.

Публикуется на основе Соглашения с Osho International Foundation, Bahnhofstr/52, 8001 Zurich, Switzerland, www.osho.com

OSHO

The Path of The Mystic

Глава 1

Мысли всегда мятежны

4 мая 1986 года, вечер, Пунта-дель-Эсте, Уругвай

Любимый Ошо,

Пребывание в некоторых странах было для тебя проблематичным. Не потому ли это, что твои мысли мятежны?

Мысли всегда мятежны.

Не мятежны лишь люди, которые не мыслят. Мышление преступно. Иисус был распят, Сократ – отравлен, Гаутама Будда – избит камнями. Эти люди никому не причинили вреда. Они были такими любящими, такими сострадательными человеческими существами, как это только возможно, – но совершили преступление, преступление под названием мышление.

Ни одно общество не хочет, чтобы его члены мыслили.

Мышление опасно.

Общество хочет роботов, которые просто делают все, что бы им ни говорили, которые не могут сказать «нет», – это для них невозможно. Они – машины.

Не случайно каждое развитое общество заменяет людей машинами. Машины послушны, никогда не мятежны. Ты когда-нибудь слышал о машине, которая была бы революционером или бунтарем? До сих пор никогда не случалось такого, чтобы нам пришлось распять машину. Машины – очень уважаемый народ. Я не машина.

И нет другого способа мыслить, нежели чем мятежно.

Мышление означает, что ты сомневаешься, мышление означает, что ты не готов принимать все, что тебе говорят. Ты хочешь решать сам. Мышление означает, что ты рационален, логичен; до сих пор же человечество было суеверным.

Когда Галилей обнаружил, что Земля вращается вокруг Солнца, Папа вызвал его в суд и потребовал, чтобы он изменил это утверждение в книге, потому что оно противоречит христианству. Библия говорит, что Солнце вращается вокруг Земли, и это подтверждает опыт каждого: кажется, что утром солнце встает, обходит круг и вечером садится. Мы не ощущаем, что Земля вращается вокруг Солнца. Поэтому Библия просто высказывает всеобщий опыт, не нечто научное.

Папа сказал:

– Ты должен изменить это предложение, потому что Библия – святая книга, написанная Богом: он не может ошибаться.

Галилей был одним из людей, которых я люблю. Люблю его гений, его мышление, люблю его чувство юмора. Он сказал:

– Никаких проблем. Я изменю это предложение, но, Ваша Честь, помните, что изменение предложения не изменит факта: Земля будет продолжать вращаться вокруг Солнца. Вы можете меня убить, вы можете сжечь мои книги, но это никак не повлияет на движение Земли. Она будет продолжать вращаться вокруг Солнца.

Вот и Галилей – мятежник. И только мятежные люди ответственны за прогресс этого мира. Все, что у вас есть: вся цивилизация, весь научный рост, вся технология – вклад мятежных людей. Этот вклад был внесен не суеверными.

Я счастлив объявить себя мятежником, абсолютным мятежником.

Принадлежать к этой категории – великая честь. К ней же принадлежат и Иисус, Сократ, Галилей, Гаутама Будда. Вот настоящие человеческие существа. Остальные – лишь часть толпы, спицы в колесе.

Общество определяет, что правильно, и они никогда этого не оспаривают. Общество определяет, что неправильно, и они никогда не сомневаются. В чем же разница между животным и человеком?

Каждое человеческое существо должно быть мятежником, если оно хочет быть человеческим существом. Вот определение, данное Аристотелем: человек – это мыслящее животное. А мышление равнозначно мятежности.

Это правда – многие страны решили, что мне нельзя дать даже четырехнедельной туристической визы. И я действительно наслаждался этим, потому что никогда раньше в истории столько стран не пугалось одного человека до такой степени, чтобы не дать ему даже четырехнедельной туристической визы.

Сократ прожил долгую жизнь; затем его отравили. Иисус постоянно проповедовал три года, затем его распяли. Я пробыл в Греции всего две недели, прежде чем меня арестовали. И мне угрожали сжечь дом, взорвать дом динамитом, если я его немедленно не покину. Это те же самые люди, что две тысячи лет назад отравили Сократа.

А что я могу сделать за две недели? Я даже не выходил из дома! Я никуда не ходил. Но архиепископ засыпал президента телеграммами, звонил премьер-министру, давал интервью средствам массовой информации: «Пребывание здесь этого человека, – а у меня была четырехнедельная туристическая виза, и пребывать мне оставалось всего лишь две недели, – пребывание здесь этого человека разрушит нашу нравственность, нашу религию, нашу церковь, нашу традицию».

Услышав это, я сказал: «Если религию, церковь, нравственность и традицию, – которые вы создавали две тысячи лет, – может разрушить один-единственный человек за две недели, то их стоит разрушить, в этом нет никаких сомнений».

И эта паранойя распространилась по всей Европе. Сейчас европейский парламент постановил, что мне запрещено приземляться в любом европейском аэропорту. Кажется, само приземление моего самолета в аэропорту разрушит их нравственность, религию и традицию. Это показывает только одно: они сами знают, что опираются на прогнивший фундамент. Лишь небольшой толчок, – который может организовать даже турист за две недели, – и все ваше здание будет разбито вдребезги.

Странно... в цивилизованном мире, если я с тобой не согласен, мы можем все обсудить и прийти к согласию. Но взорвать мой дом – это не ответ. Кажется, люди так ничему и не научились.

Было ли ответом отравить Сократа? Никто во всей истории Греции не был столь уважаем, как Сократ. Люди совершенно забыли имена тех, кто решил его отравить. Но имя Сократа останется бессмертным, пока на Земле остаются человеческие существа. Даже сегодня он современен. Его мышление, наверное, содержало безмерное прозрение, если не устарело даже через две тысячи лет. Он был самыми сливками – гением всего греческого ума, – а его уничтожили.

Кажется, многие века существует заговор посредственных людей против гениальных. И, конечно, посредственных людей большинство – и у них вся власть. У них есть правительство, у них есть армия, у них есть полиция, у них есть ядерное оружие. У гения нет ничего, кроме его разума, а разум революционен в своей основе, и не может быть никаким другим. Его качеством, присущим ему свойством является бунт – бунт против темноты, бунт против неправды, бунт против рабства, бунт против всего того, что мешает человеку быть тотальным{ Total. – Здесь и далее приводится английский оригинал слова или фразы, которые имеют особенный смысл, или смысловой контекст которых требует нетрадиционного перевода или непонятен без пояснения. – *Прим. перев.* }, взрослым существом.

Все эти страны просто доказали, что одна-единственная индивидуальность обладает большей силой, чем все они вместе взятые со всем своим ядерным оружием, потому что иначе незачем было бы так бояться.

В Англии мне не позволили переночевать в транзитном зале ожидания аэропорта – который специально для этого предназначен. У меня был собственный самолет, но, чтобы не испытывать судьбу, я вдобавок купил билеты первого класса. Этот зал ожидания предназначен для людей, которые пересаживаются из одного самолета в другой, но мне не позволили там переночевать. Один из моих друзей случайно заглянул в папку этого человека... он оставил папку на столе, уходя в уборную. Он просто заглянул в папку. Я еще не приземлился в аэропорту, а правительство уже во всех подробностях приказало: если я приеду, мне нельзя разрешать переночевать в гостинице; меня нужно заставить оставаться всю ночь в самолете, потому что я – опасный человек.

Я спросил этого человека:

– Какую же я представляю опасность? Я буду просто спать. Уже одиннадцать часов ночи, и я буду просто спать в зале ожидания. Из этого зала невозможно даже проникнуть в Англию!

Но он сказал:

– Мы ничего не можем сделать. Мы не можем предоставить вам свободу; и если вы хотите переночевать в зале ожидания, то будете заключены под стражу.

В Швеции было то же самое.

Германия отдала приказ, чтобы ни одно ее посольство не давало мне визы. Странно... и это мы называем «цивилизацией».

Цивилизации еще не случилось.

Все это подделка.

Я опасен – а как же облако, несущее ядерную радиацию из Чернобыля... остановите его, посадите его в тюрьму! Оно опасно! Здесь они бессильны, они ничего не могут сделать. А я мятежник, потому что я многие годы говорил: «Не играйте с ядерной энергией, потому что вы не можете гарантировать, что ничто не выйдет из-под контроля». Теперь что-то вышло из-под контроля, и они беспомощны. И это не событие одного дня; его последствия продлятся многие годы.

В Украине, где случилось это бедствие, нельзя будет собирать урожай тридцать лет, а это область, которая снабжает продовольствием весь Советский Союз. Теперь Советский Союз будет самой голодной страной в мире. И во всей Европе уровень радиации поднялся – в триста раз, в двести раз выше, чем приемлемо для человеческих существ. Вдыхать этот воздух, пить молоко или воду, есть овощи или фрукты – все опасно. Теперь эти парламенты молчат.

Я опасен... а ядерное оружие не опасно! Кажется, этот мир – просто ненормальный.

Любимый Ошо,

Умирает ли вместе со смертью человека существо, его «я», или живет после смерти в другом теле?

Этот вопрос – немного сложный.

Сначала ты должен понять, что твоя личность – это не твоя реальность; она дается тебе культурой, обществом.

Индивидуальность твоя, личность – нет.

Как личность ты всегда мертв; ты жив только как индивидуальность. Но чтобы быть индивидуальностью, ты должен взбунтоваться против личности и всех тех людей, которые насадили тебе определенную личность.

Каждый ребенок рождается с определенным потенциалом – и каждое общество принуждает его быть кем-то другим.

Я слышал об одном человеке, который праздновал золотую свадьбу. Собрались все его друзья, родственники и знакомые. Было много радости и смеха. Но внезапно они заметили, что

самого этого человека нет. Никто не мог понять, куда он делся. Обыскав весь сад, его нашли в тени под деревьями, где он сидел, очень печальный.

Друзья сказали:

– Странно – ты позвал всех нас, чтобы отпраздновать, а сам сидишь тут такой печальный, словно у тебя кто-то умер! Что случилось?

– Вот что случилось... Женщина, на которой я женился, так меня мучила, что двадцать пять лет назад я спросил адвоката, что мне за это будет, если я ее пристрелю. Он сказал: «Ты что, с ума сошел? Если ты ее застрелишь, то на двадцать пять лет отправишься в тюрьму!» Мне так грустно, потому что сегодня я вышел бы на свободу. Этот дурак адвокат умер; иначе я убил бы его! Он напугал меня.

Мужчина должен жить с женщиной, которую он не любит, и это сущее несчастье. Женщина должна жить с мужчиной... это сущее несчастье, ад. Человек должен посвятить себя профессии, которую он ненавидит. Каждому приходится делать то, что ему не нравится. Это твоя личность. Общество уводит каждого прочь от его естественной индивидуальности и принуждает делать то, к чему он не предназначен.

Поэтому первое, что нужно понять, – ты не личность (*Personality*), ты не «персона». Слово «персона» происходит от греческой драмы. В греческой драме актеры выступали в масках, и такая маска... настоящего лица человека не было видно; его можно было только услышать. «Сона» значит «звук». «Персона» значит, что неизвестно, кто говорит; ты только слышишь звук, лица не видно. Слово «персональность» происходит от греческой драмы.

Каждый носит маску. Ты можешь услышать звук, но лица не видно; индивидуальности не видно. Итак, первое: ты не личность. Как личность ты уже мертв. Оставаясь личностью, ты просто протащил себя от колыбели до могилы, но никогда не жил. Ты живешь лишь будучи индивидуальностью – утверждая себя вопреки всякой традиции, религии, всему тому прошлому, что требует от тебя быть кем-то другим, нежели чем хочет существование. Тогда ты живешь.

Это напоминает мне о великом хирурге, которого я знал, – может быть, самом известном в Индии. Он уходил на пенсию, и друзья и коллеги устроили ему вечеринку, прощальный вечер, но он был очень печален. Я спросил его:

– Почему ты такой грустный? Ты должен радоваться: ты лучший хирург во всей стране.

– Ты не понимаешь, – сказал он. – Прежде всего, я никогда и не хотел быть хирургом, так какая разница, лучший я или нет? Мне противно даже это слышать! Я хотел быть музыкантом, но мои родители заставили меня стать хирургом – я хирург против своей воли. Случайно я стал первоклассным хирургом; может быть, я никогда не стал бы первоклассным музыкантом. Я богат, у меня все есть, я респектабелен, но это не приносит мне счастья.

Даже если бы я остался нищим музыкантом, это было бы блаженством, потому что я был бы самим собой. Хирург кажется кем-то другим; это роль, которую мне приходится играть, но не я сам. Все эти люди празднуют, а я плачу внутри, потому что вся моя жизнь разбита.

Таким образом, прежде всего, ты не «личность»; в противном случае ты мертв прежде смерти. Есть миллионы людей, которые умирают за тридцать, сорок или пятьдесят лет до действительной смерти. Ты – индивидуальность, и лишь индивидуальность способна познать свою настоящую сущность. У личности нет сущности – только эго, столь же ложное, что и личность. У индивидуальности есть сущность, душа. Индивидуальность – это живой принцип жизни.

Если бы ты знал жизнь, то никогда не задал бы такого вопроса. Если ты знаешь жизнь подлинно, это значит, что ты также знаешь, что она бессмертна. Знанию ее присуще знание ее бессмертия. Это не какая-то информация, полученная снаружи. Просто живя своим истинным существом во всей его полноте, ты мало-помалу начинаешь осознавать бессмертное течение жизни у себя внутри. Ты знаешь, что тело умрет, но эта душа, содержащая всю сущность жизни, не может умереть.

В существовании ничто не разруσιμο.

И это не нечто, во что ты должен верить, это научная истина – ничто не может быть разрушено. Ты не мог бы разрушить и небольшого камешка. Что бы ты с ним ни делал, он сохранится в той или иной форме.

Наука исследует объективный мир и находит, что даже объективная реальность бессмертна. Религия работает, точно как наука, но в мире внутреннего, и находит, что этой танцующей жизни неотъемлемо свойственно бессмертие.

В это мгновение хорошо вспомнить Сократа, потому что он был не тот человек, чтобы что-то принимать на веру. Если бы ты его спросил, выживет ли твоя душа после телесной смерти, он ответил бы:

– Дай мне сначала умереть – потому что как я могу что-то сказать, пока не умру?

И тот день, когда ему дали яд, был одним из самых важных дней в истории человека. Его ученики сидели вокруг; он лежал. Он сказал ученикам:

– Я расскажу вам, что происходит. Пока я могу, я буду вам сообщать.

Затем он сказал:

– До коленей мои ноги мертвы. Пожалуйста, кто-нибудь, ущипните меня за ногу, чтобы я мог определить, чувствую ли я их.

Кто-то ущипнул его за ногу. Он сказал:

– Я ничего не чувствую, ноги умерли. Но помните одно: я настолько же жив, что и всегда. Смерть ног мою жизнь ничего не лишила; моя жизнь осталась такой же целой, что и всегда.

Потом его ноги омертвели полностью, затем половина тела. И он сказал:

– Половина моего тела умерла, но я цел, столь же цел, что и всегда.

Затем умерли его руки, и он сказал:

– Я по-прежнему здесь, и я по-прежнему цел. Может быть, сейчас остановится сердце, но я могу вам сказать, что, хотя, возможно, я и не смогу вам этого сообщить, я останусь, потому что всех этих частей не стало, а я цел, значит, это неважно: сердце – это только очередная часть.

И когда он умер, его лицо было так радостно, так блаженно, что Платон, его ученик, вспоминает:

– Мы никогда не видели его лица таким полным света, таким сияющим. Может быть, последнее мгновение, когда душа покидает тело, подобно закату, когда солнце садится и все небо становится таким прекрасным и сияющим.

Это не вопрос веры. Я сам ни во что не верю, и тебе не предлагаю верить, что душа бессмертна. Но согласно моему опыту, она бессмертна, потому что я помню свои прошлые жизни, и это бесспорное доказательство того, что будут и будущие. Я могу научить тебя техникам, помогающим вспомнить прошлые жизни, и это станет для тебя неоспоримым доказательством того, что у тебя есть и будущее. У тебя есть вечность прошлого и вечность будущего.

Ты всегда был и всегда будешь.

Но сначала отбрось свою фальшивую личность.

Вырасти в свою подлинную индивидуальность.

Живи таким, каким тебя хочет видеть существование. Сама твоя жизнь должна быть настолько тотальной и интенсивной, чтобы факел жизни был подожжен с обоих концов. В самой этой интенсивности ты узнаешь, что затронул нечто от вечности. И если ты узнал это в жизни, в смерти ты найдешь еще более глубокое подтверждение этому факту.

Люди, живущие в личности, всегда умирают без сознания. Они никогда не жили. Они не знают, что такое сознание, поэтому, прежде чем умереть, становятся бессознательными. Именно поэтому мы не помним прошлых жизней. Ты был без сознания, и смерть случилась в твоей бессознательности.

Но если ты живешь сознательно, как индивидуальность, тогда ты и умрешь сознательно, так как умер Сократ – таким сознательным до последнего вздоха. И эта память будет с тобой и в следующей жизни.

На Востоке есть три великие религии: индуизм, джайнизм и буддизм. Они не соглашались ни в чем – их философии расходятся во всем, кроме одного, и это вечность души, потому что это не вопрос теоретического обсуждения, это вопрос экзистенциального опыта. Ты не можешь с этим не согласиться – это в точности так.

Вне Индии этим трем религиям противостоят три другие: иудаизм, христианство и ислам. Все они верят только в одну жизнь, и это просто показывает их бедность. Они не исследовали достаточно глубоко, чтобы найти прошлые жизни, они ничего не могут гарантировать в будущем. Эти три религии, рожденные вне Индии, поверхностны. Их работа не является глубоким исследованием.

Но в Индии десять тысяч лет тысячи людей входили в реализацию себя и находили, что один и тот же свет сохраняется всегда. Он продолжает двигаться из одного тела в другое, но сам по себе – неуничтожим.

Я не предлагаю тебе верить в это, я предлагаю просто экспериментировать. Я против всех верований, потому что каждое верование тебя разрушает, разрушает твоё мышление. Я всецело за экспериментирование, и для этого имеются техники.

Это было работой всей моей жизни – создать техники, доступные каждому, кто действительно хочет искать и находить, не для просто любопытствующего, но для искателя, который готов рискнуть ради поиска всем. И это такой поиск, ради которого ты должен рискнуть всем, потому что ты находишь величайшее из всех сокровищ.

Любимый Ошо,

Что такое свобода – индивидуальности и коллективная?

Свобода – это трехмерное явление. Во-первых, физическое измерение: тебя можно поработить физически. И тысячи лет человека продавали на рынке, как любой другой товар. Все негры, оказавшиеся в Америке, были куплены, как товар.

Рабы существовали по всему миру. Им не давали человеческих прав; их не считали человеческими существами, они были ниже человеческих существ. И с ними по-прежнему обращаются, как с низшими существами. В Индии есть шудры, неприкасаемые. Четвертая часть Индии до сих пор живет в рабстве: эти люди не могут получить образования, эти люди не могут двигаться ни в какие другие профессии, чем было определено традицией пять тысяч лет назад, и считать их человеческими существами невозможно... Даже коснувшись их, ты становишься нечистым: ты должен немедленно принять ванну. Даже если ты касаешься не самого человека, но только его тени – все равно ты должен принять ванну.

Таким образом, есть физическое рабство и физическая свобода – состоящая в том, что твоё тело не заковано в цепи, что ты не считаешься низшим, чем кто-либо другой, что во всем, что касается тела, есть равенство. Но это не так даже сегодня.

Тело женщины не считается равным телу мужчины. Она не так свободна, как мужчина. В Китае веками муж имел право убить жену совершенно безнаказанно, потому что жена была его собственностью. Точно как ты можешь сломать свой стул или сжечь свой дом, потому что этот стул твой, дом твой, жена твоя. В китайских законах не было наказания за убийство жены мужем, потому что она считалась лишенной души; она была просто механизмом воспроизведения, фабрикой по производству детей.

Мусульмане женятся на четырех женах, что абсолютно уродливо, потому что природа поддерживает в мире равновесие. Количество мужчин и женщин одинаково, и если один мужчина женится на четырех женщинах, что делать оставшимся трем мужчинам? Они становятся извращенными, становятся гомосексуалистами, содомистами, создают СПИД и всевозможные болезни. Сам Мухаммед был женат на четырех женщинах.

Но это еще ничего! Лишь сорок лет назад, когда Индия стала свободной, в одном из мусульманских штатов Индии, в Хидерабаде, у низама было пятьсот жен! Но даже это не предел.

Кришна, индийское воплощение Бога, имел шестнадцать тысяч жен. По крайней мере, жены низама были его собственные – он на них женился. Кришна же брал чью угодно жену, какая бы ему ни понравилась... не думая о том, что у нее есть дети, что у нее есть муж, что она должна о них заботиться – его это не волновало. У него было достаточно власти. Но иметь шестнадцать тысяч жен так глупо – ты даже не сможешь запомнить, как их зовут!

Но в Индии считалось, что, поскольку женщина – это своего рода собственность, чем их больше, тем лучше. И, конечно, воплощению Бога должно быть позволено наибольшее число жен, чтобы доказать, что у него больше всех собственности.

Таким образом, есть рабство тела, и оно по-прежнему продолжается в разных формах. Его становится меньше и меньше, но оно не исчезло полностью.

Свобода тела значила бы, что нет различия между черными и белыми, между мужчиной и женщиной, что нет никаких различий ни в чем, касающемся тела. Никто не чист, никто не грязен; все тела равны. Это сама основа свободы.

Есть второе измерение: психологическая свобода. Очень немногие индивидуальности в мире психологически свободны... потому что если ты мусульманин, ты не свободен психологически; если ты индуист, ты не свободен психологически. Вся наша система воспитания детей делает их рабами – рабами политических идеологий, социальных идеологий, религиозных идеологий. Мы не даем им никаких шансов думать самим, исследовать самим. Мы принуждаем их умы... мы набиваем их умы вещами, в которых у нас самих нет никакого опыта.

Родители учат детей, что есть Бог, – а сами ничего не знают о Боге. Они говорят детям, что есть рай и ад, – а сами ничего не знают ни о рае, ни об аде.

Я слышал: однажды это случилось в Нью-Йорке, в самой большой церкви Нью-Йорка – кардинал вошел и увидел молодого человека, и не мог разобрать, хиппи это или Иисус Христос. Он *выглядел* как Иисус Христос, но Иисуса Христа так просто не встретишь! Наверное, это все-таки был хиппи. Кардинал испугался, потому что Иисус не был его собственным опытом – он не смог бы его узнать.

Он подошел к нему поближе и сказал:

– Кто ты?

– Разве ты меня не узнаешь? – сказал молодой человек. – А между тем каждый день ты молишься мне: «Мой Господь Иисус Христос». И вот я пришел, а у тебя хватает наглости спрашивать, кто я?

Кардинал испугался по-настоящему, что, может быть, это *и есть* Господь Иисус Христос – он выглядит точно как Иисус Христос. Но что же делать? В теологическом колледже, где он учился и стал кардиналом, ему никто никогда не говорил, что нужно делать, когда Иисус Христос приходит в церковь. Это беспрецедентно!

Он позвонил в Ватикан и спросил папу:

– Хотя намекни, что мне делать! Сюда пришел человек – я решил по его виду, что он хиппи, но он также похож на Иисуса Христа. Я спросил его, и он сказал: «Я твой Господь Иисус Христос». Что мне теперь делать?

– Что? – сказал папа. – Такого еще никогда не было! Сделай вот что: во-первых, выгляди занятым. Во-вторых, позвони в полицию!

Вы учите детей вещам, которых не знаете сами. Вы обуславливаете их умы, потому что ваши умы обусловлены вашими родителями. Таким образом эта болезнь передается от одного поколения к другому.

Психологическая свобода будет возможной, если детям позволят расти, помогут расти к большему интеллекту, разуму, сознанию, бдительности. Им не дают никаких верований. Их не

учат никакой вере, им дается как только возможно большее поощрение искать истину. И им должны напоминать с самого начала: твоя собственная истина твоего собственного нахождения освободит тебя; ничто другое этого не сделает.

Истину нельзя заимствовать.

Ее нельзя выучить по книгам.

Никто не может сообщить тебе о ней. Ты должен обострить свой разум сам, чтобы посмотреть в существование и найти ее.

Если ребенка оставить открытым, восприимчивым, бдительным и поощрить исследовать, у него будет психологическая свобода. И с психологической свободой приходит безмерная ответственность. Его не нужно учить ответственности; она приходит как тень психологической свободы. И он будет вам благодарен. Обычно каждый ребенок зол на родителей, потому что они испортили его: они разрушили его свободу, обусловили его ум. Прежде чем он задал множество вопросов, они наполнили его ум ответами, которые были поддельными, потому что не основывались на вашем собственном опыте.

Этот мир живет в психологическом рабстве.

И третье измерение, предельная свобода – знание, что ты не тело, знание, что ты не ум, знание, что ты – чистое сознание. Это знание приходит в медитации.

Оно отделяет тебя от тела, оно отделяет тебя от ума, и в конце концов остаешься только *ты*, как чистое сознание, как чистая осознанность. Это духовная свобода.

Вот три основных элемента свободы индивидуальности.

Ты спросил об индивидуальной и коллективной свободе. Для коллектива в свободе нет никакой необходимости. Только индивидуумы должны быть свободными, и тогда свободным будет коллектив. У коллектива нет души, у коллектива нет ума, у коллектива нет даже тела: это только название. Это всего лишь слово. Мы позволяем словам себя впечатлить – до такой степени, что забываем, что слова не вещественны. Коллектив, общество, сообщество, религия, церковь – все это слова. За ними не стоит ничего реального.

Это напоминает мне о небольшой истории. В «Алисе в стране чудес» Алиса приходит в сад королевы. Королева спрашивает ее:

– Не встретила ли ты по пути посланца, направляющегося ко мне?

– Никого, – ответила маленькая девочка, имея в виду, что никого не встретила.

Королева подумала, что «никто» – это какой-то человек, и спросила:

– Так почему же этот никто до сих пор не прибыл?

– Мадам, никто значит *никто*! – ответила девочка.

– Не глупи! – сказала королева. – Я понимаю: никто *и есть* никто, но он должен был прибыть раньше тебя. Странно, никто не может быть медленнее тебя.

– Это абсолютно неправильно, – говорит Алиса, – никто не может быть быстрее меня!

И диалог продолжается в таком же духе. Этот «никто» в диалоге становится кем-то, и Алиса никак не может убедить королеву, что никто есть никто. Как ее убедить? Она пытается изо всех сил, и когда она слышит, что королева говорит: «Никто тебя не торопливее», она сердится: это уж слишком! Она кричит: «Никто меня не медленнее!»

Тогда королева говорит:

– Тогда никто должен был быть уже здесь!

Коллектив, общество – все это только слова. То, что существует в реальности, это индивидуум; а все эти Клубы Ротарианцев и Львов... тогда возникнет проблема: что такое свобода Клуба Ротарианцев? Что такое свобода Клуба Львов? Это просто названия. Коллектив – очень опасное слово.

Во имя коллектива индивидуум, бунтарь всегда приносился в жертву. Я абсолютно против этого.

Нации приносят индивидуумов себе в жертву, а «нация» – это всего лишь слово. Линий, которые вы начертили на картах, не существует нигде на Земле. Это просто ваша игра. Но на этих линиях, которые вы нарисовали на картах, умерли миллионы людей – *настоящих* людей, и ради нарисованных линий. И вы делаете их героями, национальными героями!

Идея коллектива должна быть полностью уничтожена; иначе тем или иным образом мы будем продолжать приносить в жертву индивидуума. Мы жертвовали им во имя религии, в религиозных войнах.

Мусульманин, гибнущий в религиозной войне, точно знает, что попадет в рай. Священник ему сказал:

– Если ты умрешь за религию, за ислам, рай тебе абсолютно гарантирован вместе со всеми удовольствиями, которые ты только можешь вообразить, о которых ты только можешь мечтать. И человек, которого ты убиваешь, тоже попадет в рай, потому что он был убит мусульманином. Для него это привилегия, поэтому ты не должен чувствовать себя виноватым, когда кого-то убиваешь.

Христиане совершали крестовые походы – *джихады*, религиозные войны, – и убивали тысячи людей, сжигали тысячи человеческих существ, и ради чего? Ради какого-то рода коллективности... ради христианства, буддизма, индуизма, коммунизма, фашизма – подойдет что угодно. Любое слово, символизирующее нечто коллективное, – и ради него можно пожертвовать индивидуумом.

У коллективности нет даже причины для существования – индивидуума достаточно. И если у индивидуума есть свобода, психологическая свобода, духовная свобода, тогда, естественно, будет духовно свободным и коллектив.

Коллектив состоит из индивидуумов, не наоборот. Говорили, что индивидуум – это только часть коллектива; это неправда. Индивидуум – это не часть коллектива; коллектив – это только символическое слово, означающее собравшихся вместе индивидуумов. Они не части чего-либо; они остаются независимыми. Они остаются органически независимыми, они не становятся частями.

Если мы действительно хотим, чтобы мир был свободным, мы должны понять: столько зверств совершалось во имя коллективности, что пришло время остановиться.

Все коллективные имена должны утратить блеск, придаваемый им в прошлом. Индивидуумы должны быть высшей ценностью.

Любимый Ошо,

Является ли познание интеллектуальным опытом?

У опыта познания есть два измерения. Одно – объективное познание, другое – субъективное познание. Объективное познание интеллектуально. Именно этим продолжает заниматься наука. Это интеллектуальное познание.

Интеллекта достаточно, чтобы познать объект. Объект снаружи – доступный восприятию глазами, доступный для эксперимента. Ты можешь его анатомировать, ты можешь сделать с ним что угодно, как угодно экспериментировать. Он доступен чистому интеллекту. Но твое собственное существо недоступно интеллекту.

Твое существо доступно только в молчании, не в интеллектуальной деятельности, но в молчаливой осознанности. Это совершенно другое измерение, и это истинное познание, познание себя. Но оно не может быть интеллектуальным, потому что интеллект – это нечто такое, что может достичь только внешнего; у него нет возможности достичь внутреннего.

Ты можешь увидеть все своими глазами, но не можешь увидеть – своими глазами – своих глаз. В зеркале ты можешь их увидеть, но это не твои глаза – это отражение. Твой интеллект способен познать все, что снаружи его, но ты – за интеллектом, и интеллект не имеет никакой возможности туда войти.

Это напоминает мне... когда Форд впервые создал автомобиль, в нем не было передачи заднего хода. Самой идеи заднего хода еще не возникло. И если ты отъехал от своего дома всего лишь на несколько футов, но должен вернуться, чтобы что-то взять, для этого нужно было бы объехать весь город. Это было слишком утомительным и глупым, это было пустой тратой времени. И он добавил передачу заднего хода.

Но что касается интеллекта, Бог – не Форд. У интеллекта так до сих пор и нет передачи заднего хода; он движется только вперед. Ты можешь направить его к самым дальним звездам, нет никаких препятствий; но он не может проникнуть вовнутрь тебя, что так близко.

Альберт Эйнштейн, может быть, самый разумный человек, который только исследовал звезды, умер несчастным, потому что не познал себя. И вот в чем было его несчастье: какой смысл знать весь мир – знать все об электронах, протонах, нейтронах и дальних галактиках – и не знать о самом себе, кто ты такой?

Прежде чем умереть, он сказал:

– Если бы я родился снова, я стал бы водопроводчиком, а не физиком, чтобы у меня было достаточно времени, чтобы смотреть внутрь себя. Физика требовала слишком большой вовлеченности.

При помощи интеллекта ты можешь познать что угодно, но только не самого себя.

И, полагаясь только на интеллект, ты будешь отрицать душу – именно это делают атеисты, коммунисты. Причина в том, что они приняли за основу, что, чтобы быть истинным, нечто должно быть интеллектуально доказанным. А у интеллекта нет никакой возможности доказать сознание.

Сознание должно быть обнаружено совершенно другим образом. Интеллект – это мышление, а сознание обнаруживается в состоянии не-мышления – в таком предельном молчании, не тревожимом ни малейшим движением мысли.

В таком молчании ты обнаруживаешь само свое существо.

И оно безгранично, как небо.

И познать его значит познать нечто действительно достойное знания; иначе все твоё знание – просто мусор. Оно может быть полезным, утилитарным, но оно не поможет тебе трансформировать свое существо. Оно не сможет привести тебя к осуществленности, к удовлетворенности, к просветлению, к точке, в которой ты можешь сказать: «Я пришел домой».

Любимый Ошо,

Что приносит человечеству обнажение бессознательного, как в психоанализе, – согласно тебе?

Почти ничего. Психоанализ – это бесполезное упражнение, потому что он ничего не меняет: он не создает нового человека, он не приносит покоя. Фактически, даже основатели психоанализа, такие как Зигмунд Фрейд, так боялись смерти, что невозможно поверить. Ни одно нормальное существо так не боится смерти.

Основатель психоанализа так боялся, что даже слово «смерть» запрещалось произносить в его присутствии – это было табу. О нем нельзя было говорить. Три раза случалось так, что кто-то упоминал о смерти, и Зигмунд Фрейд падал в обморок, у него случался припадок, он терял сознание. Он так боялся смерти, что избегал бывать на кладбищах, не приходил, когда кто-то умирал, даже если это был друг или ученик. Когда происходило что-то, связанное со смертью, он впадал в полную панику – и этот человек учит психоанализу!

Его проблемы не были решены. Он злится, как и любой другой. Он ревнив, ревнивей кого-либо другого. Он жаден. Он хочет иметь монополию, он хочет командовать людьми. Он почти что создает империю психоаналитиков во всем мире, но каждый из них должен повторять, как попугай, все, что говорит он сам. Любой, кто говорит что-то другое, немедленно

изгоняется. Кажется, это не наука, а политическая партия или фанатичная религия – но не научное исследование.

И то же самое верно в отношении Юнга. Юнг приехал в Индию, чтобы с кем-то встретиться... потому что на Востоке люди работали над умом тысячи лет. Но они никогда не разрабатывали ничего подобного психоанализу; они разработали медитацию – совершенно другой подход.

Какой смысл в том, чтобы анализировать мусор ума? – разбирать его... это занимает многие годы. Некоторые люди проходили психоанализ в течение пятнадцати лет, но ни к чему не пришли. Они меняли психоаналитиков, в надежде, что, может быть, поможет кто-то другой, но так ни к чему и не пришли. Этого и не может быть, потому что все, что делает психоаналитик – любой школы, Адлера, Юнга или Фрейда, – это разбирает мусор твоего ума, истолковывая это согласно своему уму. И какой во всем этом смысл?

На Востоке мы не разрабатывали психоанализа, мы разработали медитацию. Медитация просто уводит тебя прочь от мусора, за пределы мусора – и о нем не стоит беспокоиться. Если ты хочешь им заниматься, ты можешь это делать многие жизни. Ты никогда не достигнешь конца.

Но если ты просто остаешься свидетелем своего ума, ничего не делая с умом, – просто оставаясь отстраненным, просто видя его, как будто мысли движутся на экране, и просто наблюдая их без всякого суждения, хорошего или плохого, – приходит странный опыт: малопомалу мысли начинают исчезать. Вскоре наступает мгновение, когда есть только пустой экран – мыслей нет. И когда нет никакого объекта, когда в твоём сознании нет никакой мысли, оно оборачивается к самому себе, потому что ему ничто не мешает; в этом в точности значение слова «объект»{ То object – мешать; object – объект. – Прим. перев.} – то, что мешает, преграждает.

Когда нет никакого объекта, сознание... точно как все в существовании движется по кругу, движется по кругу и сознание. Оно возвращается к собственному источнику. И встреча сознания с его источником – взрыв света, величайшее празднование, на которое только способен человек, величайший оргазмический опыт.

И это не нечто такое, что происходит и кончается. Нет, как только это произошло, оно продолжается. Оно остается с тобой. Оно становится почти как твое дыхание. Ты живешь в этом двадцать четыре часа в сутки.

Юнг приехал в Индию в поисках кого-то, кто дал бы ему установить, что сделал Восток, чтобы создать столько людей, подобных Будде, – не одного, но сотни тех, кто вышел за пределы ума и всех его бед и проблем, забот и тревог. В чем же секрет? Он ходил в университеты, встречался с психоаналитиками, и везде ему говорили:

– Ты напрасно тратишь время. Эти люди – не те, кто тебе нужен. Эти люди учились психоанализу на Западе и преподают психоанализ в университетах. Ты приехал, чтобы найти кого-то, кто абсолютно не тронут Западом. И такой человек есть.

И такой человек был – Шри Рамана Махарши. Куда бы ни приезжал Юнг, – а он был в Индии три месяца, – везде ему называли одно и то же имя.

– Езжай в Аруначалу в Южной Индии и встретись с этим человеком, который необразован, который ничего не знает о психоанализе; это человек, которого смог создать Восток. Просто пойди и посиди с ним, поговори с ним, послушай его. Если у тебя есть какие-то вопросы, задай их ему.

Но вы будете удивлены: Юнг так у него и не побывал.

И позднее, чувствуя, что подвергнется критике, Юнг написал: «Я умышленно не поехал к Рамане Махарши, потому что у Востока свой путь, у Запада – свой, и они не должны смешиваться» – просто чтобы защитить себя от критики. Тогда зачем вообще было ехать в Индию?

Снова и снова ему говорили посетить человека, что было редкой возможностью, но он этого не сделал, хотя доехал до Мадраса, откуда до Аруначалы было всего два часа езды!

Юнг не пришел к этому человеку, при одной встрече с которым он увидел бы, каков ясный человек, каков человек, полностью очистивший свой ум, – его глаза, его жесты, его слова, его авторитет. Он не цитирует писаний, он знает самого себя.

Юнг не пришел к нему и сам почувствовал себя виноватым. Чтобы себя защитить, он стал писать, что у Востока и Запада разные пути. Это чепуха, потому что человек – на Западе или Востоке – один и тот же. И странно, что он учил восточных студентов западной психологии. Он должен был бы им отказать, потому что это значило бы смешивать Запад и Восток. Если бы он был по-настоящему честен, то предложил бы им вернуться на Восток.

Он учил восточных студентов западной психологии, но не был готов прийти к восточному медитатору, просто встретиться с ним. Почему он боялся? Потому что он был точно таким же человеком, что и вы, – просто знающим. Он собрал многое из книг, но у него не было собственного подлинного опыта.

Западный психоанализ – это просто бизнес. Это обман людей. Это просто эксплуатация людей без оказания им какой-либо помощи, и люди идут на это лишь потому, что нет никакой другой альтернативы. Сами психоаналитики ходят к другим психоаналитикам. И психоаналитики сходят с ума чаще, чем люди какой-либо другой профессии! Они совершают больше самоубийств, они во всех смыслах более извращены.

Это очень странное явление. Это вообще не наука, это просто вымысел. Но это стало популярной профессией. Фактически, евреи упустили Иисуса, который создал величайшую фирму, христианство, – и евреи никогда не могли этого себе простить. Их собственный сын создал такую великую фирму, а они распяли бедного мальчика!

Зигмунд Фрейд и Карл Маркс – тоже евреи – попытались компенсировать упущенное евреями при распятии Иисуса. На этот раз Карла Маркса не распяли. Как и Зигмунда Фрейда. Они выучили урок, что распятие обходится дорого: весь бизнес попадает в чужие руки!

Глава 2

Начни путешествие с сердца

5 мая 1986 года, утро, Пунта-дель-Эсте, Уругвай

Любимый Ошо,

Когда ты так красиво говоришь о просветлении, пробуждении и сновидении, для меня сновидение настолько реально, что даже представить себе пробуждение кажется невозможным. Меня изумляют твоя красота, твоя милость, твоя любовь, твое понимание, но быть в твоём присутствии кажется мне такой невероятной ситуацией, что, должно быть, это либо мечта, либо странное совпадение. Жизнь стала такой, что, что бы ни попросил, это дано. С тобой я осыпаем столькими дарами, что волшебная сказка продолжается и продолжается. По мере того как лениво течет жизнь, я перехожу от одной забавы к другой. Такой образ жизни кажется таким легким и приятным, и желание просветления кажется таким далеким. Пожалуйста, прокомментируй.

Хорошо, что желание просветления кажется далеким, потому что желание просветления – величайшее препятствие к тому, чтобы его достичь.

Это один из извечных вопросов искателей истины. С одной стороны, мастера постоянно говорят: «Достигни просветления», с другой стороны, они говорят: «Не желай его». И это было великой головоломкой для бедного ученика. Мастер говорит и то, и другое: желай его и не желай его. Желай его, потому что это единственная вещь, которой стоит желать; не желай его, потому что желание становится преградой.

Чтобы не создавать вам головоломок, мой образ действий был другим. Просто быть с вами, говорить и говорить, просто отдавать вам все мое сердце и создать ситуацию, в которой вы можете испытать нечто от вкуса просветления... даже этого небольшого вкуса просветления будет достаточно, чтобы остановить тебя здесь и сейчас, в этом мгновении. Ты забудешь все желания, включая просветление.

Если можно создать ситуацию, в которой ты так блажен, так удовлетворен, что на мгновение у тебя в уме нет желания, ты выучил великий урок – что если это состояние не-желания может продолжаться каждое мгновение, тебе не стоит беспокоиться даже о просветлении: оно придет к тебе. Не ты должен к нему идти. Это не предмет, который где-то сидит, и которого ты должен желать, и искать, и тяжело работать, и идти к нему. Это просто твое собственное состояние, когда нет желания.

Это отсутствие желаний – самое блаженное состояние из всех возможных, и просветление – другое его название. Достаточно узнать его хотя бы на одно мгновение, потому что жизнь никогда не дает тебе два мгновения разом; мгновение всегда одно. И если ты знаешь этот секрет, эту алхимию трансформации этого мгновения, ты знаешь и весь секрет трансформации жизни, потому что следующее мгновение тоже будет таким же. Ты можешь сделать с ним то же самое, что и с предыдущим; ты можешь продолжать жить в безжеланности.

Находясь в моем присутствии... Я использую его как средство, чтобы не создавать у тебя в уме замешательства и смущения. Я могу дать тебе вкус, и тогда этот вкус позаботится о тебе. Во-первых, желание просветления будет казаться таким далеким, и мало-помалу ты совершенно забудешь о нем, потому что ты будешь в нем; оно будет в тебе. И конечно, поначалу это выглядит как прекрасный сон, потому что мы привыкли к реальности и ее уродству. Мы знаем красоту только в снах.

Поэтому, когда происходит нечто подобное, даже когда ты совершенно пробужден, это ощущается как сон. Реальность не может быть такой питательной, такой безмерно прекрасной, такой волшебной: в реальности не может быть такого волшебства. Но я говорю тебе: реальность гораздо волшебнее любого сна. Она красивее любого сна; она поэтичнее величайшей поэзии мира.

Реальность, которую мы знаем, – не истинная реальность, это реальность, видимая сквозь уродливый ум, который проецирует себя на реальность. Мы не видим реальности; мы всегда видим ее окрашенной нашими собственными предрассудками, идеями, всем нашим умом. И даже это мы всегда видим на бегу. Мы никогда не расслабляемся. Мы всегда на бегу, сами не зная, куда направляемся. Будто бы нам чего-то не хватает, и мы пытаемся это где-нибудь отыскать, ищем во всех направлениях. И мы нигде этого не найдем, потому что этот ум всегда будет между тобой и реальным, искажая реальное.

Если ты восприимчив в моем присутствии, если ты любишь, ум на мгновение покидает тебя – он должен тебя покинуть. Происходит нечто более важное, чем твой ум. Именно это значит любовь. Ты можешь даже пожертвовать собой – в доверии ты жертвуешь умом, и в то мгновение, когда ум отложен в сторону, и ты видишь реальность лицом к лицу, она так прекрасна, так невыразимо прекрасна. И конечно, в эти мгновения ты почувствуешь, что даже не *хочешь* быть просветленным. Если эта реальность может продолжаться и продолжаться всегда, что еще может дать тебе просветление?

И ты прав, потому что это начало просветления. Ты получил только проблеск, но даже этот проблеск заставляет тебя отбросить желание просветления – и отпадение желания делает просветление легким и возможным. Это просто происходит. Однажды внезапно ты просыпаясь утром, и ты не тот же человек, что и раньше, и с изменением тебя изменилось все существование. И тогда дело не в том, что что-то сделать, чтобы его удержать; оно остается с тобой.

Фактически, даже если ты захочешь его отбросить, то не сможешь. Ты не можешь вернуться назад; ты можешь двигаться только вперед. И однажды приходит тот день в твоей жизни, когда просветление становится настолько естественным для тебя – точно как дыхание, как биение сердца, как движение крови по жилам – что ты даже не чувствуешь его. Кровь движется очень быстро, круг за кругом от ног до головы, но мы даже не чувствуем ее; мы родились с нею, мы к ней привыкли.

Когда просветление становится просто естественным явлением, раскрывает двери последняя тайна: человек выходит за пределы просветления. Выход за пределы просветления означает просто стать обычным, стать частью этой безграничной вселенной – без всякой претензии, без всякого превосходства, без всякого эго. Человек просто растворяется в океане реальности, точно как капля росы на утреннем солнце, соскользнувшая с листа лотоса в океан.

Просветление все еще удерживает нечто оставшееся от тебя... очень хрупкая, но все же сохраняется некоторая идея «я». И это просветление дает тебе превосходство, ты чувствуешь превосходство. Поэтому нужен последний шаг, когда даже эта мельчайшая частичка «я» растворяется... теперь нет ни превосходства, ни унижения: тебя нет. Есть существование. Будда называет это *нирваной*. Он подобрал наилучшее слово.

Любимый Ошо,

Раньше я слушал тебя без понимания и чувствовал полное блаженство – и я слышал, как ты говоришь, что это правильное слушание. В последнее время мной владеет интенсивное желание понять, что ты говоришь. Впервые мне грустно; кажется, я двинулся не в ту сторону. Но мне и хорошо: это щекочет мою голову, и она интенсивна и жива. Могу ли я что-нибудь сделать, кроме как наслаждаться этим?

Не нужно больше ничего делать. Если ты этим наслаждаешься, ты слушаешь меня из сердца. Это переполнение любовью, понимание без слов. Ты не пытаешься понять; ты никогда не использовал ум. Это хорошо, очень хорошо – именно так должно начаться путешествие.

Когда сердце совершенно наполнено радостью, оно начинает переполняться во всех направлениях; ум не отделен от него. Именно это происходит: внезапно ты начал слушать с попыткой понять, и чувствуешь, что твоя голова испытывает странную щекотку. Это значит – нечто течет из переполненного сердца, потому что эта щекотка невозможна в понимании только слов. И если ты чувствуешь радость, наслаждаешься этим, тогда нет никаких проблем: просто сердце и ум сонастраиваются; их конфликт растворяется, их противостояние исчезает. Вскоре они станут одним целым.

Тогда само слушание это и то, и другое – оно достигает твоего сердца, как вибрация, как дрожь, а ума – как понимание; и то, и другое соединено с тобой. Проблема возникает, только когда голова начинает путешествие. Это скупец. Прежде всего, многих вещей она не может понять, но притворяется, что понимает, и это создает фальшь. Она ничего не может дать сердцу; она даже не осознает сердца. Она не умеет давать, она умеет только брать; она жадна.

Ты удивишься, узнав, что английское слово *greed*, жадность, происходит от санскритского корня. В санскрите стервятник называется *gridha*. Гридха и жадность происходят от одного корня. Ум – это стервятник. Это важно понять, потому что стервятник всегда прилетает на труп, когда кто-то мертв.

Если ты будешь в Бомбее, стоит посмотреть на парсское кладбище. Это одно из самых красивых мест, точно посередине Бомбея. Парсы сохранились только в Бомбее. Изначально они происходили из Персии, и отсюда происходит индийское слово *парси*, парс. Не желая обращаться в ислам, они бежали и остались в Бомбее. С тех пор все их существование в мире ограничивается пределами Бомбея, потому что вся Персия была обращена в ислам – насильно.

Когда они пришли впервые, место, выбранное ими под кладбище, находилось за пределами Бомбея. Но Бомбей интенсивно рос, и теперь это место в самом центре – густой лес. В парсском кладбище есть нечто странное: очень большой колодец, а на колодце железные прутья. Труп кладут на прутья, чтобы он не упал в колодец. Прилетают стервятники и поедают труп, и только кости падают в колодец. Колодец полон костей – а он очень большой. И ты увидишь, что на всех деревьях сидят стервятники, ожидая чьей-то смерти. Они живут только смертью.

Странно, что ум тоже живет чем-то мертвым, не живым. Когда ум начинает путешествие, он думает, что пытается понять смысл, но на самом деле убивает смысл. Все, что было живого в этих словах, выпущено; впитывается только мертвое. Именно это я имею в виду, когда называю кого-то интеллектуалом. Это означает, что он собрал множество мертвых костей, но совершенно не испытал вкуса жизни. Он полон словами, но он сам придает им смысл; он не берет смысл у них, и все путешествие движется не в том направлении.

Если человек начинает с ума, он остается привязанным к уму. Он собирает слова, становится эрудированным, интеллектуальным, но это не разум. Его первый шаг – начать с ума – неразумен. Я никогда не встречал разумного интеллектуала. Это кажется абсурдным, потому что обычно мы считаем интеллектуалов разумными людьми, но это неправда. Интеллектуалы живут только мертвыми словами. Разум этого не может. Разум *отбрасывает* слово – это труп – и берет лишь то, что в нем есть живого.

И хорошо начать путешествие с сердца. Путь разумного человека – это путь сердца, потому что сердце не интересуется словами; его интересует лишь сок, что приходит в консервных банках слов. Оно не собирает консервные банки; оно просто выпивает сок и выбрасывает банки. Ум делает противоположное: он выбрасывает сок и собирает консервные банки. Консервные банки кажутся красивыми, и огромная коллекция банок делает человека интеллектуальным гигантом.

Если ты начинаешь путешествие с головы, ты будешь ходить, ходить и ходить кругами внутри головы. Твоя голова распухнет; ты станешь более эгоистичным.

Хасья спрашивала меня: «Почему мы не приглашаем интеллектуалов, писателей, литераторов, профессоров, чтобы они тебя поняли?» Вот в чем проблема: они *не могут* понять. Хорошо, если они читают мои книги; может быть, они смогут собрать какие-нибудь слова, какие-то консервные банки, но в моем присутствии они почувствуют себя неловко, потому что все ударение я делаю на соке, не на банках. Я изо всех сил пытаюсь заставить вас отбросить банку и просто взять сок.

Сердце умеет пьянеть, сердце умеет давать, сердце умеет делиться. Ему хочется делиться даже с умом. А когда сердце делится с умом, все совершенно по-другому, потому что у сердца нет консервных банок; оно может делиться только соком. Если ум хочет принимать, ему придется принимать сок. Именно поэтому ты испытываешь щекочущее чувство. Вскоре сердце наполнит и ум таким же соком. Оно наполнит все твое тело этим щекочущим ощущением. Это танец каждой клетки твоего существа.

То, что происходит, очень хорошо – и это происходит; ты этого не делаешь. Действие всегда подозрительно; происшествие никогда не подозрительно. Поэтому, когда что-то происходит, иди с этим – иди тотально, ничего не оставляя позади, и ты всегда будешь двигаться в более глубокое благословение, в более глубокое блаженство.

Любимый Ошо,

Я пришел в восторг, когда однажды ты сказал: «Поначалу я был большинством в единственном лице».

Всегда ли истина торжествует?

Даже сегодня я представляю большинство в единственном лице. Я умру большинством в единственном лице!

Истина – это не нечто такое, что может стать коллективным; она остается индивидуальной. Коллективная масса не без причин так боится человека истины, – потому что истина никогда не может стать коллективной; коллективной бывает только ложь. Даже истины одного человека достаточно, чтобы поджечь весь лес лжи, потому что тысячи заблуждений не могут противостоять одному-единственному утверждению истины.

У заблуждений нет никакой жизни; они мертвы. Это только бремя – они не приносят никакой свободы, они не дают никакой радости; они просто обременяют тебя настолько, что ты теряешь всякую надежду когда-либо стать свободной индивидуальностью и принимаешь поражение. И именно в этом их функция.

Каждое общество, каждая религия, каждая цивилизация лжет и развращает умы своих детей всевозможной ложью, и естественно, наполненные этой ложью массы становятся очень испуганными. А истина подобна пожару; они не могут смотреть ей в лицо. Истина – это всегда индивидуальное открытие; так было всегда и всегда будет в будущем. Это большинство в единственном лице.

Я называю это «большинством», потому что, хотя это и один человек, он не в меньшинстве. Его истина так сильна, что весь мир может быть на другой стороне... и даже тогда его истина не может быть уничтожена. Человека можно уничтожить – общество пыталось уничтожить многих прекрасных людей, просто чтобы уничтожить их истину. И все же они не поняли того факта, что можно уничтожить человека, но нельзя уничтожить истину.

Истина сохранится. Однажды обнаруженная, она не исчезнет. Можно разрушить того, кто первый ее нашел; кто-то другой станет ее проводником. Истина найдет дорогу в самых дремучих дебрях лжи. Она всегда торжествует. Истине требуется время, но для нее время не имеет значения; она всегда торжествует.

Ложь украшена всевозможной косметикой, но все же это ложь. Ты можешь придать ей вид настоящей вещи, но это только видимость. Стоит лишь немного посмотреть на нее, и ты найдешь, что она ненастоящая, нереальная. И в то мгновение, когда человек понимает нечто как ложное, ложное падает замертво. Оно было мертвым – всегда было мертвым, родилось мертвым, – но ты никогда не смотрел на это.

Любой истине требуется время, чтобы восторжествовать, потому что дебри лжи так густы. Все интересы, круговая порука защищают ложь, и все власти всегда на стороне лжи.

Каждый новорожденный ребенок рождается в мир лжи. Но все же, поскольку истина составляет само существо жизни, ее нельзя победить. Ее победу можно отложить – на годы, даже на века, – но однажды внезапно ты должен осознать, что вел себя и жил неправильно...

Лишь несколько дней назад я слышал – Анандо принесла вырезку из газеты, – что Папа впервые за две тысячи лет пришел в синагогу и сказал, что неправильно было осуждать все еврейское сообщество за распятие Иисуса Христа; было также абсолютно неправильно осуждать, убивать и уничтожать евреев все эти двадцать веков в отместку за то, что они убили Иисуса Христа.

Несомненно, они за это не ответственны. И никто в будущем не будет считаться, только потому что он еврей, ответственным за распятие Иисуса. Ответственны были эти несколько человек, но не значит, что всех евреев всегда нужно осуждать, убивать, уничтожать. Евреи поверить не могли, что Папа говорит эти слова через две тысячи лет постоянных преследований, убийств, зверств – но истина рано или поздно должна быть признана.

Это просто глупо. За это ответственны несколько человек, но они умерли; им нельзя отомстить. Прожило и умерло много поколений, но по-прежнему считалось, что за это ответственны евреи, и их травили, преследовали, убивали по любому поводу.

Папа принял этот факт, но это еще не победа истины – выиграна только битва, не война. Если бы он понял этот факт, он должен был бы изменить всю библейскую историю. Грех Адама и Евы, их непослушание – их собственная ответственность, но каждый христианин рождается в грехе из-за *их* греха. Что же теперь делать с Адамом и Евой?

Несомненно, если бы Папа понимал смысл того, что он сказал, он должен был бы набраться храбрости и сказать: «Мы отменяем библейскую историю». Адам и Ева были ответственны. Бог мог бы их наказать – это их дело – но прошло шесть тысяч лет, согласно Библии, и каждый христианин по-прежнему рождается в грехе и должен быть наказан, потому что Адам и Ева совершили грех. Мы в родстве с ними через многие тысячи поколений. Но мы к этому совершенно непричастны; мы этого не делали, и нас никто не спрашивал.

Человек должен осознавать, когда он что-то говорит, все смысловые следствия своих слов. Если Папа говорит, что евреи не ответственны за распятие Иисуса, тогда ни один христианин не рождается в грехе только потому, что Адам и Ева ослушались Бога. Если бы он принял это смысловое следствие, лишь тогда его слова имели бы значение. Иначе все это остается политикой: это не имеет ничего общего с истиной, он просто добивается большей политической поддержки со стороны евреев.

И евреям опасно его поддерживать, потому что в конце концов эта поддержка выльется в то, что он проглотит весь еврейский народ. Он начнет говорить: «Мы ничем не отличаемся друг от друга. Иисус был евреем, а мы – последователи Иисуса, вы евреи – мы ничем не отличаемся». И у него есть шестьсот миллионов католиков. Если он не признает, что библейская история неправильна, тогда ему придется взять свои слова назад и признать, что это политическая стратегия.

Этого никогда раньше не случалось, но я слышал анекдот о том, что каждый год Папа и верховный священник евреев встречаются на дороге, на полпути к дому друг друга. Они встречаются на середине дороги, и смотреть их встречу собирается огромная толпа. Встреча протекает очень утонченно. Еврей кланяется Папе и дает ему свиток. Папа читает написанное

в свитке, отдает его обратно, кланяется еврею, и встреча оканчивается. Люди всегда недоумевают: «В чем же дело? Что сообщают друг другу эти двое? И что в этом свитке?»

Каждый год один и тот же свиток передается, читается и возвращается обратно, и тысячи людей собираются смотреть в надежде, что узнают его секрет. В конце концов люди приходят к верховному священнику евреев и спрашивают:

– В чем секрет?

Верховный священник смеется и говорит:

– Никакого секрета нет: это счет за Тайную Вечерю. Он все еще не оплачен, и нам приходится представлять его каждый год. Может быть, какой-нибудь Папа оплатит его, но обычно они просто возвращают его обратно.

Никаких других встреч не было. Этот приход Папы был просто политическим жестом. Если бы была какая-то признанная им истина, он должен был бы признать ее во всех ее смысловых следствиях. Это способ узнать, действительно ли признана истина. Истина должна быть признана со всеми своими смысловыми следствиями; иначе для ее признания есть какая-то другая причина – помимо самого признания истины.

Я сказал, что начал путешествие большинством в единственном лице, и сегодня я должен сказать, что и окончу свое путешествие большинством в единственном лице – по той простой причине, что не могу передать вам истину. Если благодаря каким-либо моим средствам ты откроешь ее, то тоже станешь большинством в единственном лице.

Но сама истина имеет такую силу, что ее достаточно, чтобы дать одному человеку достаточно храбрости, чтобы выстоять против всего мира. Истина дает храбрость, потому что истине присуще внутреннее качество: «В конце концов я выйду победителем». Может быть, ты не сможешь увидеть меня победителем, но ты находишься в начале чего-то такого, что победит. Радуйся этому.

Любимый Ошо,

Говорят, что когда пингвины, стоя на айсберге, хотят купаться, они начинают тревожно всматриваться в глубь воды, чтобы убедиться, что нет опасности со стороны морских львов. Мало-помалу, столько пингвинов присоединяется и начинает всматриваться в воду, что возникает давка, и в конце концов одного из пингвинов случайно сталкивают в воду, и если первый пингвин не выныривает, все отскакивают и теряют всякий интерес к купанию. Только если первый пингвин появляется вновь, целый и невредимый, все они радостно ныряют вслед за ним.

Ошо, мы тоже немного как пингвины?

Вы не пингвины, и вы ни в каком смысле не такие. Но массы именно такие. В этом разница между массами и искателями. Даже если я утону, вы не оставите меня; особенно в тот момент, когда я тону, вы не сможете меня покинуть: вы все нырнете вслед за мной.

Есть узы, которые никогда не обсуждались, и о которых никакие стороны не подписывали никаких соглашений: ваша жизнь – часть моей жизни, а моя жизнь – часть вашей. Такой же будет и моя смерть. Вы радостно прыгнете вместе со мной, вместо того чтобы спастись и всегда чувствовать себя вино-ватыми.

Нет, вы не как пингвины. Но массы именно таковы; они наблюдают, и если что-то успешно, они этому следуют. Если кто-то терпит неудачу, они просто смеются и называют его дураком.

Когда братья Райт делали первый самолет, их считали сумасшедшими даже в их собственной семье: «Кто и когда слышал о самолетах? Зачем вы тратите время впустую?» Соседи, родственники и все и вся донимали их требованиями прекратить заниматься ерундой. Никто не хотел слушать того, что они хотели сказать, никто не стремился понять их планов. А они

были бедными людьми, у которых не было большой лаборатории для работы. Их отец был торговцем велосипедами.

Днем они не могли работать, только ночью... В их доме был подвал, в котором отец складировал запасные и поломанные части велосипедов. У них был только мусор, и из этого мусора они сделали свой первый самолет. Он был сделан из деталей велосипедов.

Теперь проблемой было, что они не могли летать в подвале. И они вынесли самолет ночью, тайком, и рано утром, когда всходило солнце, вдалеке от деревни испытали его. Они сами не были уверены... потому что раньше никогда ничего подобного не случалось. Но он работал! Всего шестьдесят секунд он оставался в воздухе, но они добились успеха. Секрет был у них в руках. Если это возможно на шестьдесят секунд, возможно и на шестьдесят часов; это не слишком большая проблема – формула остается прежней. Нужно только улучшить механизм.

И они объявили всему городу: «Сегодня вечером мы проведем эксперимент. Приходите все и посмотрите на наше безумие!» Сначала они сделали это одни – только двое братьев: один на земле, другой в самолете. И в этот вечер почти весь город – и не только город, но и приезжие из соседних городов, – собрались посмотреть на их полное посрамление. «Эти идиоты думают, что они взлетят!»

Но они были потрясены, увидев, что те добились успеха: снова самолет поднялся в воздух на шестьдесят секунд, и братья Райт спросили:

– Ну что вы теперь скажете? Кто из нас сумасшедший?

И немедленно все заговорили:

– Эти мальчики гениальны! Это *наши* мальчики, из *нашего* города, из *нашей* области.

И семья обрадовалась. Семья устроила вечеринку, потому что «*наши* мальчики добились успеха».

Братья Райт были очень удивлены. Что случилось? Никто не называет нас сумасшедшими; внезапно мы стали гениями! Люди собираются смотреть со всего мира... великие ученые, великие производители, которые заинтересованы в том, чтобы получить секрет и выпускать самолеты. Маленький городок стал местом паломничества.

Массы функционируют точно как эти пингвины. Если ты в чем-то добиваешься успеха, все становятся на твою сторону. Если ты в чем-то терпишь поражение, все против тебя. Если ты успешен, каждый скажет:

– Мы так и знали, что ты добьешься успеха. Разве я этого не говорил?

А если ты потерпишь поражение, те же самые люди скажут:

– Мы же всегда тебе говорили: не будь дураком, ничего не выйдет.

Массы функционируют точно как пингвины, или наоборот: пингвины функционируют точно как массы. Но не вы. Вы уже пришли сюда, чтобы быть со мной, вопреки всему миру. Вы со мной вопреки всему миру.

Дело не в том, чтобы воображать, что вы сделаете; вы уже *сделали* это.

Быть со мной значит быть в опасности. И эта опасность будет продолжать возрастать, сначала потому, что люди, которые хотят меня остановить, которые хотят меня искалечить, чтобы я не мог работать, вскоре придут в отчаяние – и они способны на все. У них есть вся возможная власть; одной только истины нет на их стороне. У них есть вся власть, но существование не с ними. Они могут причинить любой вред мне и моим людям, но не могут причинить никакого вреда истине. И я решительно намерен сделать истину как можно острее, прежде чем мне будет причинен какой-то вред.

Есть многое, что я еще хотел бы сказать, но ситуация не позволяла мне этого. Но мы найдем ситуации, которые позволят мне это сказать; мы приложим все усилия. И я не вижу, почему бы существованию не поддержать нас.

Только посмотри: нас изгнали из Европы – из одного аэропорта в другой, из одной страны в другую. В то мгновение, если ты думал об этом, это было бедствием. Но сейчас вы знаете:

существование защищало нас. Хорошо, что они нас не впустили; теперь они сидят под облаком смерти. Если бы они нас приняли, мы подверглись бы той же опасности.

Мы должны послать им благодарственные письма со словами: «Вы поразительны! Как вам удалось узнать, что случится такое бедствие, и позаботиться о том, чтобы эти прекрасные люди не подверглись опасности?»

Глава 3

Очарованные неведомым

5 мая 1986 года, вечер, Пунта-дель-Эсте, Уругв

Любимый Ошо,

Последнее время я чувствую, что мой ум словно сходит с ума. Он будто бы пытается постичь все, что только возможно, особенно во время лекции, когда я сижу с тобой в молчании. Это ощущается так, словно ему остается все меньше и меньше того, за что он мог бы держаться, о чем он мог бы думать, и он создает самые безумные вещи. Часть ли это твоей работы, или не схожу ли я с ума?

Ты сходишь с ума!

Но это тоже часть моей работы.

Просто не бойся сойти с ума, потому что это безумие случается лишь с редкими индивидуальностями; это не что-то распространенное. Это не ненормальность, это выход за пределы ума; и ум чувствует безмерный страх, потому что выход за пределы ума подразумевает выход из известного в неизвестное. Если ты в маленьком пространстве, которое кажется освещенным, выйти за его пределы значит выйти в темноту. А ум обучен всему в жизни. Выйти за пределы и лишиться его лампы кажется опасным.

Это та же самая опасность, которую каждый ощущает, рождаясь. Мать испытывает боль из-за ребенка, из-за того, что ни один ребенок не хочет рождаться. Он живет в уютном доме, самодостаточный, без всяких тревог, без ответственности, в полном блаженстве. Внезапно его выбрасывают из него. Он знает только это маленькое пространство; оно было его миром, и он абсолютно им доволен. Его выбрасывают из него во что-то неизвестное, незнакомое. Это ощущается почти как смерть. Ребенок сопротивляется выходу из чрева; это сопротивление создает боль для матери. Ребенок не расслабляется и не позволяет себе выйти из утробы легко – он борется. Это начало борьбы.

Теперь он будет бороться всю жизнь. И это также начало страха перед неизвестным. В этом есть реальная рациональность, потому что ребенок никогда не попадает в мир лучший, чем тот, которого он лишился в утробе. Он попадает в несчастный мир. Он понятия не имел о страдании. Он никогда не знал никакого напряжения; все было так, как должно было быть. Теперь все так, как быть не должно, и всю жизнь он будет пытаться воссоздать тот комфорт, которого лишился.

Это желание комфорта, роскоши, красивого дома, любящей атмосферы есть не что иное, как просто воссоздание вокруг себя еще одной утробы – утробы, которой ты лишился. Ты делаешь все, чтобы ее воссоздать, но ничто не помогает; ничто не приносит успеха в том, чтобы снова дать тебе утробу. Это дает уму полную гарантию: никогда не позволяй ничего неизвестного; никогда не выходи за пределы границ известного – это опасно. И выйдя за пределы, ты больше не можешь вернуться обратно, потому что ты не смог снова войти в утробу. Это не сознательные идеи, это твое бессознательное чувство.

Поэтому, сидя в молчании, может быть, ты почувствуешь страх, подойдя к линии границы. Может быть, ты зацепишься за что угодно, чтобы не лишиться известного и не потеряться в безграничном неизвестном. Ты не хочешь совершить ту же ошибку, которую совершил, когда родился. Бессознательное все еще несет в себе этот шрам.

В лучшей системе образования мы будем учить каждого ребенка, что это была не жизнь. Тебе было комфортно, но не было приключения, не было вызова. Все следы страха вхождения

в неизвестное должны быть удалены из бессознательного правильным образованием. Тогда подход будет совершенно другой. Каждый раз, приближаясь к неизвестному, ты почувствуешь безмерную радость, волнение, вызов к открытию. Ты не будешь цепляться.

Но не так было до сих пор. Вся система образования мира не касается ваших главных психологических проблем. Она не заботится о том, чтобы дать вам психологическую свободу. Этот вопрос даже не ставится.

Я был на конференциях профессоров, вице-канцлеров, педагогов, на которых они обсуждали, как улучшить систему образования. И я говорил на каждой конференции:

– Все, что вы говорите, – вздор: вы не касаетесь главного вопроса. Кто-то говорит, что студенты не послушны, что студенты не дисциплинированы, что они не проявляют уважения к профессорам, – как заставить их проявлять уважение и быть послушными?

Вас заботит поверхностное, и вы более озабочены собой, своими проблемами, своими тревогами, чем безграничным миром молодого поколения. Вы никогда не говорите об их психологической свободе.

И если вы можете начать такой процесс, – что возможно, – в котором каждый студент станет психологически свободным от страха перед неизвестным... Вместо того чтобы внушать страх, неизвестное очаровывает его, он влюбляется в него, пускается в романтическое приключение в мир за пределами маленького ума. Если вам это удастся, они будут вас уважать. Вы дали им такой подарок, что они не смогут относиться к вам иначе как с уважением. Они будут послушными, потому что будут знать, что вы не эксплуатируете их. Если вы пытаетесь сделать их психологически свободными, как вы можете их эксплуатировать? Они будут вам доверять.

Эти поверхностные проблемы вы продолжаете обсуждать каждый год на каждой конференции... Одни и те же решения каждый год, и все ваши решения создают еще больше проблем, потому что эти решения – третьесортные. И все они одни и те же: быть строже, исключить студентов, которые непослушны, наказать тех, кто создает проблемы. Ваши решения делают людей еще более непослушными, настраивают их против вас.

Ситуация стала такой, что студенты воспринимают себя как класс, противостоящий классу учителей. Они ведут классовую борьбу, точно как бедные и богатые. Они заставляют свои союзы бороться, точно как другие союзы, профсоюзы. Сейчас есть студенческие союзы, вся цель которых состоит в том, чтобы защищать студентов и бороться с учителями, с учреждениями. Вы не решаете проблем, вы их создаете.

Они слушали меня, но я всегда чувствовал, что говорю со стенами, потому что это не проникало за их твердые лбы. Достучаться до них было почти невозможно. Они были так полны знания, что не хотели слушать, особенно того, что было для них новым.

А это такая простая вещь. Травма рождения – одна из самых важных вещей в жизни, потому что это начало, семя всего, что произойдет позднее; мы должны устранить эту травму. Иначе человечество останется прежним – всегда боящимся неизвестного, испуганным, не храбрым, не ищущим приключений, не ищущим и не находящим новых пространств.

Наш сознательный ум – очень небольшое пространство; под ним – огромный мир, над ним – огромный мир. Оба они должны быть исследованы. Если ты падаешь вниз, то становишься ненормальным, по-настоящему сумасшедшим. Но если ты выходишь за его пределы, твое безумие будет величайшим возможным здоровьем.

Человек, который может достичь высочайшего пика сознания, накапливает новые потенциалы, и самое важное – что теперь он может двигаться вниз. У него достаточно света, чтобы идти в темные места, куда до сих пор он идти не мог. До сих пор сущим безумием было бы упасть ниже ума, потому что ум был небольшим освещенным пространством. Падая оттуда, ты падаешь только в темноту. И темнота становится гуще и гуще, и ты начинаешь терять всякую способность вернуться обратно.

Но если сначала ты достиг высших уровней ума – сверхсознательного, коллективного сверхсознательного, космического сверхсознательного, – тогда у тебя столько света, ты – сам свет. Теперь ты можешь пуститься в путешествие в подземный мир бессознательного, коллективного бессознательного, космического бессознательного. И куда бы ты ни шел, темнота исчезает. Ты становишься единым целым, спектром семи уровней – целиком полным света. Это я называю просветлением.

Теперь ты не можешь сойти с ума. Теперь в тебе нет страха; даже смерть не страшна. Фактически ты достиг осуществления своего изначального желания: ты снова в утробе существования, снова без забот, без ответственности, без напряжений, в предельном расслаблении – просто доверяя существованию, куда бы оно ни вело. Куда бы оно ни вело, это хорошо.

У тебя нет никаких требований, у тебя нет никаких желаний, у тебя нет никакой цели. Ты отдал все тревоги существованию. Теперь ты достиг предельной утробы. Именно поэтому просветленный человек может жить и умереть в абсолютном расслаблении. Теперь жизнь или смерть не имеют значения; он – часть вечности, часть самого этого вселенского существования.

Поэтому не беспокойся, когда приближаешься, в молчании, к этой линии границы. В молчании это гарантировано; в молчании ты не можешь подойти к той границе, на которой человек падает. В молчании ты приближаешься к той точке, из которой ты можешь только выйти за пределы.

Когда твой ум в великой боли и тревоге, ты приближаешься к границе, с которой можешь упасть. Поэтому это нужно помнить как критерий: чем более ты полон мыслей, тем ты ближе к безумию – всего еще один шаг.

У Халиля Джебрана есть одна история. Один из его друзей сошел с ума. Он был гением, а гении всегда в опасности сойти с ума по той простой причине, что их гений используется только для большей и большей интеллектуализации, и это удерживает их в близости границы. Оттуда стоит сделать лишь шаг, и они лишатся всякого рассудка.

Этот гений оказался в сумасшедшем доме, и Халиль Джебран пришел его навестить. Они были близкими друзьями. Когда он пришел, его друг сидел в саду. Он узнал Халиля Джебрана и предложил ему сесть рядом на скамейку. Прежде чем Халиль Джебран успел его спросить, как он чувствует себя в этом сумасшедшем доме, друг спросил его:

– Расскажи мне что-нибудь о том сумасшедшем доме, который снаружи. Ты пришел прямо из сумасшедшего дома, который называешь миром. Расскажи мне что-нибудь об этом большом сумасшедшем доме; что там происходит?

Халиль Джебран был потрясен. Он сказал:

– Ты думаешь, я пришел из сумасшедшего дома? А где же, по-твоему, ты сам?

– Я – с немногими нормальными людьми, оставшимися в мире. Мы защищены этой стеной. О нас заботятся врачи и медсестры, потому что нас осталось так мало. Весь мир сошел с ума; мы – единственная надежда. Иначе кто бы о нас заботился? О нас так заботятся – это достаточное доказательство.

– Будет хорошо, – прошептал он на ухо Халилю Джебрану, – если ты тоже притворишься сумасшедшим и попадешь в это место. Это потрясающее место. Каждый занимается своим делом; никто не вмешивается в жизнь никого другого.

Сейчас здесь осталось очень мало народу – всего пятнадцать человек. Они уважают друг друга настолько, что даже не говорят: «Доброе утро» – чтобы не вмешиваться в чужую жизнь. Они не здороваются. Каждый занимается своим собственным делом, делает что хочет. Никто не задает никаких вопросов, подобных: «Зачем ты это делаешь?» Это больше никого не касается. Каждый в полной мере и единолично ответствен за собственную работу.

Когда кто-то говорит, никто не спрашивает: «С кем ты разговариваешь?» Так принято, что никто ни с кем не разговаривает. Даже во внешнем мире каждый разговаривает сам с собой; другой – это только повод. Здесь люди очень честны и искренни. Им не нужно никакого повода.

Они говорят в одиночестве и отвечают за обе стороны. Они подлинны. Они просто говорят правду.

Я люблю это место. Приходи поскорее – прежде чем ты сойдешь с ума, как весь этот мир. Там опасно жить.

Халиль Джебран по дороге домой думал:

– Может быть, он прав, потому что этот мир кажется сумасшедшим домом.

Сумасшедший дом выглядел более здоровым, более молчаливым. Люди делали всевозможные вещи в одиночестве. Кто-то улыбался, кто-то смеялся, но для улыбки не нужно было никакого повода. Ты хочешь улыбаться – и улыбаешься. Во внешнем мире, чтобы засмеяться, сначала ты должен найти для этого какой-то предлог. Нельзя смеяться без причины; иначе тебя сочтут сумасшедшим.

В своем дневнике он пишет: «В ту ночь я не мог заснуть. Этот сумасшедший друг потревожил меня настолько, что я начал подозревать... кто знает, может быть, он прав, а все мы неправы. И он так уверен».

Сумасшедшие люди всегда очень уверены. Сумасшедшие люди никогда не подозревают, что они сумасшедшие, – это не часть сумасшествия. Только здоровые люди могут начать тревожиться, что, может быть, они ненормальны.

В мире сумасшедшего и нормального человека нет никакой качественной разницы – разница лишь количественна. Сумасшедший, вошедший во тьму бессознательного, лишь на шаг впереди тебя, или на два шага, но никакой другой разницы нет.

Поэтому хорошо, что ты боишься... когда ты полон мыслей, слишком много мыслей, ты очень близок к безумию. Но когда ты молчалив, не нужно бояться. Ты очень близко к настоящему здоровью – лишь еще один шаг, и ты коснешься мира сверхсознательного. И как только ты пережил, испытал лишь немного от сверхсознательного, тогда ты больше не можешь этим удовлетворяться. Это создаст большую и большую жажду большего и большего сознания. Она будет утолена, только когда ты достигнешь космического сознания, за пределами которого ничего нет – и оттуда ты можешь начать путешествие вниз, в бессознательное.

Именно в этом заблуждаются западная психология и психоаналитики. Я не могу с ними согласиться. Они говорят людям идти прямо в бессознательное, вынести сновидения из бессознательного. Сами того не зная, они играют с огнем. И это вы можете видеть: на Западе сходит с ума больше людей, чем на Востоке, больше людей живет в тоске и тревоге. Все должно быть наоборот, потому что у Запада есть все, а у Востока – ничего, кроме бедности, голода, болезней, смерти. Но даже среди болезни, смерти, бедности, голода, кажется, больше удовлетворенности, расслабления.

У Запада есть все, но кажется, в нем так много напряжения, что тысячи людей решают умереть по той простой причине, что, по крайней мере, они избавятся от этих напряжений жизни. И самые талантливые люди, гении, более всех уязвимы. Почти каждый гений на Западе время от времени посещает сумасшедший дом. И многие из них прошли психоанализ, просто чтобы оставаться нормальными. Просто остаться нормальным – это превратилось в цель.

Говорить о просветлении – все равно что говорить о том, чтобы достичь звезд; даже быть нормальным стало трудно. Люди выскальзывают из нормального состояния ума. Они хотят просто остаться нормальными. И психоаналитики, самое большее, могут помочь тебе за годы работы просто быть нормальным, не более того. И это не гарантирует, что ты останешься нормальным; небольшая случайность, и ты можешь соскользнуть обратно.

Даже твой психоаналитик ненормален. Он ходит к другому психоаналитику, чтобы оставаться нормальным. Все психоаналитики постоянно проходят психоанализ у других психоаналитиков, чтобы оставаться нормальными.

Я слышал о человеке, очень богатом человеке, который начал терять рассудок и испугался. Он стал брать сеансы у самого дорогого психоаналитика, но он был достаточно богат,

чтобы заплатить любые деньги. Стоимость зависела от длительности сеанса. У этого богатого человека не было никаких проблем... он брал двухчасовые, трехчасовые, четырехчасовые, пяти-, шестичасовые сеансы. Лежа на кушетке психоаналитика, он продолжал без конца говорить вздор.

Психоаналитик испугался. Слушать этого человека шесть часов было опасно, потому что ночью он начал повторять его мысли во сне. Это было ясным знаком, что что-то нужно предпринять: «Это уже слишком. Я не могу сам оставаться нормальным, если этот человек будет продолжать в том же духе. И, кажется, этому нет конца; у него достаточно денег, и для него неважно, сколько времени длится сеанс».

И психоаналитик должен был найти такое решение, чтобы не лишиться пациента, который был настоящим золотым дном, но в то же время и не лишиться собственного рассудка, потому как что бы тогда он стал делать с этим сокровищем? Тогда ему пришлось бы отдать все эти деньги другим психоаналитикам, чтобы они очистили его собственный ум. И он сказал этому богатому человеку:

– Вы занимаете так много времени, что я не могу заботиться о других пациентах. И вам нужно все это время, поэтому я не могу предложить сократить его. Я нашел другое решение: я поставлю здесь магнитофон, чтобы вы могли говорить, сколько хотите, а потом ночью, когда я освобожусь, я прослушаю эти записи.

– Лучше и не придумашь, – ответил богатый человек. – У меня нет никаких возражений.

На следующий день психоаналитик, входя в свою контору, увидел, что богатый человек выходит из нее. Он спросил:

– Что случилось? Контора только что открылась, а вы обычно уходили вечером.

– Я подумал, что мне тоже нужно заботиться о делах, о предприятиях и фабриках, поэтому ночью, когда у меня было время, я наговорил все на магнитофон, и теперь мой магнитофон рассказывает все это вашему магнитофону. А ночью вы можете послушать. Таким образом мы сохраняем и мое время, и ваше.

Но таким образом человеку нельзя помочь. Магнитофоны, говорящие друг с другом, слушающие друг друга, не помогут. Но время драгоценно. И психоаналитики, хотя это и самая оплачиваемая профессия, находятся в постоянной опасности, потому что они окружены опасными людьми с опасными идеями – они их могут подхватить. Ум подхватывает идеи. Иногда у тебя появляется идея, от которой ты хотел бы избавиться, но не можешь.

У одного человека была идея, что какие-то странные создания ползают у него по телу. Никто их не видел, кроме него, но он все время их с себя сбрасывал, постоянно разговаривал с ними и сбрасывал их с себя. В конце концов люди от этого устали. Его семья устала:

– Тебе нечего с себя сбрасывать. Мы ничего не видим, никаких существ.

– Вы не понимаете, – говорил он. – Они невидимы; как вы можете их увидеть? К своему несчастью я их вижу. Что я могу сделать?

И он постоянно их сбрасывал, потому что они по нему ползали. Его семья привела его к психоаналитику, и тот сказал:

– Не волнуйтесь. Я излечил многих подобных пациентов.

На седьмой день психоаналитик все еще продолжал настаивать, что эти существа – только воображение пациента. Семь дней он постоянно повторял:

– Это только ваше воображение. Нет никаких существ. Я их не вижу; никто их не видит. Будьте немного бдительнее, и они исчезнут.

– Я попытаюсь, – сказал этот человек, но он продолжал их сбрасывать, сидя рядом с психоаналитиком. Внезапно психоаналитик сказал:

– Идиот. Перестань! Ты сбрасываешь их прямо на меня! Вчера вечером я начал их видеть. Всю ночь я не мог уснуть. Теперь они ползают и по мне. Это твоих рук дело. Пожалуйста, прости меня; тебе придется найти какого-то другого психоаналитика, потому что у меня дети,

жена, родители, и я должен о них заботиться. Я не могу заботиться об этих невидимых существах. И у тебя достаточно наглости! Ты сидишь прямо передо мной и сбрасываешь их прямо на меня, – и психоаналитик тоже начал их сбрасывать.

Если ты продолжаешь слушать настойчивого сумасшедшего, – сумасшедшие очень настойчивы и упорны в своих утверждениях, – рано или поздно они создадут эту убежденность и в тебе. Кто знает? – может быть, он прав: невидимые существа действительно существуют. И однажды ночью в темноте ты почувствуешь, что по тебе что-то ползет, и эта идея войдет к тебе в ум... и тогда от нее будет очень трудно избавиться.

Вся трудность психоаналитиков в том, что сначала они стали спускаться вниз. На Востоке мы попытались сделать противоположное: сначала подняться вверх, в высшие уровни, в сияющие уровни. И когда ты совершенно интегрирован, и ничто не может тебя потревожить, – твое молчание крепко, как скала, – тогда ты можешь двигаться в царства под сознательным умом, и с тобой будет свет.

И в каждый зал бессознательного ты принесешь свет. Ты можешь обнаружить там и сокровища, но эти сокровища может обнаружить только человек, достигший высочайшего сознания. Лишь у него есть глаза и разум, чтобы найти сокровища бессознательного.

Тебе не нужно беспокоиться. Если в молчании ты приближаешься к месту, в котором тебе кажется, что ты сходишь с ума, – сойди с ума, со всеми моими благословениями. Просто сойди с ума, потому что никто не может сойти с ума в молчании. Молчание так защищает, что ты можешь только становиться более и более здоровым; ты не можешь сойти с ума. Но когда ты полон мыслей, будь бдителен, осознавай – ты очень близок к сумасшедшему.

Как только ты пересек черту нормальности, кажется, что становится легче соскользнуть в ненормальные, безумные состояния, и ты будешь менее и менее способен к контролю. Достаточно небольшого толчка, и ты можешь соскользнуть в бессознательное, потому что оно всегда у тебя внутри.

В эти мгновения, когда ты до такой степени полон мыслей, медитируй. Попытайся быть наблюдательным, чтобы эти мысли исчезли. И когда ты в молчании, и приходит зов неизвестного, следуй ему. Иди, куда бы он ни вел.

Любимый Ошо,

В чем различия или, может быть, сходства между латиханом и самогипнозом?

Латихан – это хороший метод, но он ближе к динамической медитации, чем к самогипнозу. Его функция в том, чтобы привести тебя в состояние, в котором ты тотально сдаешься существованию и позволяешь двигаться энергии тела, не согласно уму, но согласно вселенскому духу.

Просто встань в пустой комнате, в расслаблении, с закрытыми глазами, и жди. И внезапно ты почувствуешь, что твоя рука движется, голова движется – тогда не останавливай ее, двигайся вместе с ней. Но и не преувеличивай. Если рука движется лишь настолько, не заставляй ее двигаться дальше, потому что тогда ты снова станешь делающим.

Латихан значит – дать себе полную свободу (*Let go*). Твои телесные энергии сонастраиваются с вселенской энергией, и что-то случается с твоим телом: ты можешь начать танцевать, ты можешь начать вращаться, может быть, начнут двигаться твои руки, может быть, начнут двигаться твои ноги. Может быть, ты начнешь говорить слова, сам не понимая их смысла, и не зная, *есть ли вообще* какой-нибудь смысл, или они принадлежат какому-то языку, которого ты не знаешь.

Но ты не должен вмешиваться, ни останавливать, ни помогать процессу; в каждом случае ты потревожил бы его. Ты просто должен устраниваться... и это кажется опасным, когда случается в первый раз. Точно так же, как ты боялся безумия, ты испугаешься, потому что ты покажешься себе сумасшедшим. Внезапно ты высовываешь язык без всякой причины, без причины

шевелишь головой, прыгаешь, танцуешь, совершаешь странные упражнения, которых никогда не воображал и о которых даже не думал.

Но всего лишь сорок минут латихана дадут тебе поразительно хорошее самочувствие. Ничто другое не даст тебе настолько хорошего самочувствия. И если ты добавишь к латихану еще одно, чего нет в латихане... Именно поэтому мне пришлось создать динамическую медитацию – это латихан плюс нечто другое, потому что в латихане ты совершенно потерян. Я хочу, чтобы ты оставался свидетелем. Не будь делающим. Не подталкивай себя ни к какому действию, ни к чему себя не принуждай, ничего не предотвращай. В латихане не хватает только одного – это индонезийский метод... Не хватает одного, и это свидетель, потому что без свидетеля он может быть опасным.

Латихан оказался опасным для многих людей. Может быть, через сорок минут ты не сможешь остановиться; водоворот энергии может оказаться слишком сильным. Ты можешь испугаться того, что не сможешь остановиться. Если ты продолжаешь более сорока минут, это может тебя изнурить. А если ты изнурен – это тяжелое физическое упражнение, – вместо того чтобы хорошо себя почувствовать, ты можешь потерять сознание. И придя в себя, ты найдешь, что все твоё тело болит, вместо того чтобы почувствовать себя освеженным, ты почувствуешь себя разбитым, тебя будет тошнить; все пищеварение будет расстроено. Это не укрепит, а ослабит тебя. Иногда люди сходили с ума, делая это, – они не могли остановиться.

И опасность в том... поскольку ты не был свидетелем, это иногда может начаться, когда ты к этому не готов, – на улице, в магазине, где угодно. Ты не хозяин метода, потому что ты не свидетельствовал его. Над ним никого не было. Поэтому его может создать любая ситуация – где угодно, в любом месте, – и это покажется очень странным и неудобным. Попытаешься ли ты это предотвратить или начнешь это делать, это будет неловко.

Поэтому я не за то, чтобы практиковать один только латихан. Это хороший метод, но к нему должно быть присоединено свидетельство, чтобы ты мог остановиться, когда захочешь, чтобы он не мог случиться когда угодно, в любое время, сам по себе. И если есть свидетельство, тело расслабляет свои напряжения, выбрасывает свои напряжения.

Ты удивишься тому, что наши тела тоже накапливают напряжения: например, ты хотел кого-то ударить, но не ударил. Твое тело готово, мышцы напряжены, потому что тело и мышцы просто слушаются ума. Твой ум хотел ударить этого человека, рука была готова ударить этого человека, но ум всегда расщеплен. Ваши религии говорят: это нехорошо, это насилие; не делай этого.

Одна часть твоего ума говорит: «Это преступление. Ты можешь напрасно попасть в беду». Другая часть ума говорит: «Ты можешь ударить этого человека, но он может оказаться сильнее тебя. Он не будет просто стоять и принимать твои удары, а потом не попросится и не пойдет домой. Он тоже набросится на тебя, и ты будешь напрасно избит; зачем создавать такую ситуацию?»

Но твоя рука готова. Энергия достигла мышц, пальцев, распространилась по руке. Ты остановил ее по какой-то причине: ненасилие, страх, он выше тебя, он твой начальник – по какой-то причине ты остановился. Но что случится с этими напряжениями?

Твоя рука готова; энергия не может вернуться обратно. Нет никакой системы, которая позволила бы энергии, готовой выразиться, вернуться обратно к своему первоначальному источнику. Она останется у тебя в запястье, в пальцах, в руке. Такая энергия накапливается в разных частях тела – поэтому работает латихан. В латихане такая энергия начинает двигаться, и может быть, ты начнешь бить врага, которого нет.

Но свидетель абсолютно необходим, чтобы твоё тело избавилось от всех накопленных напряжений, и ты почувствовал свежесть, прекрасное ощущение хорошего самочувствия. Во-вторых, эти сорок минут свидетельства даже важнее, потому что тебе легче будет увидеть, что ты – не тело; ты его не контролируешь, ты ничего не делаешь, ты ничего не предотвращаешь.

вращаешь. Ты можешь увидеть, что оно не имеет ничего общего с тобой, что оно движется само по себе. Тебе может быть легче разотождествиться. В этом превосходство динамической медитации перед латиханом.

Латихан тоже может помочь кому-то, у кого не слишком много напряжений в теле, не слишком много подавлений в уме, но найти таких людей очень трудно. Это старый метод. Сейчас каждый полон напряжений. Было время, еще двадцать лет назад... латихан стал всемирным движением и был привлекателен для каждого, но мало-помалу он исчез. Он и должен был исчезнуть, потому что он создавал больше проблем, чем решал. Он давал людям больше безумия, чем помощи.

Чего-то главного не хватало, и по той простой причине, что с человеком, который представил миру латихан, он случился естественно: просто оставаясь однажды один в лесу, он нашел, что происходят какие-то движения. И просто из интереса, что это за движения и почему они происходят, он позволил им случиться. Но в нем не было больших напряжений. Он был простым человеком, – и в особенности подобные люди всегда просты, – он был лесорубом.

Лесоруб никогда не накапливает в себе никакого насилия. Он совершает столько насилия каждый день, рубя деревья, что нет никакой возможности того, чтобы его руки накапливали энергию, чтобы кого-то ударить. Лесорубы, рыбаки, фермеры – для них латихан может быть совершенно подходящим, потому что их тело уже делает так много. В нем ничего не остается. Когда десять или пятнадцать минут латихана кончаются, они чувствуют себя хорошо. И у них такая работа, что даже если это случается на их ферме, на озере или в лесу... нет никаких проблем, если это начинает происходить само собой.

Но в мире, если это начинает происходить у тебя в конторе... если внезапно ты запрыгнешь на стол, и начнется латихан, люди вызовут полицию. Из-за латихана ты окажешься в тюрьме и никому не сможешь объяснить, что это нечто духовное. Никто не поймет твоей духовности – это было сущим безумием, ты был способен на все. Ты – опасный человек.

И подавленной энергии так много, потому что в современной цивилизации люди целый день сидят на стуле. Тела не созданы для этого. Человек в своей основе – охотник. Его тело создано для того, чтобы преследовать убегающего оленя. Ты видел бегущего оленя? Они летят, как стрела, и охотники могли их догонять. Тело создано для того, чтобы тяжело работать – восемь часов, двенадцать часов, – и тогда о проблеме напряжений в теле не было и речи. Латихан хорошо подходил бы этим людям. Может быть, несколько минут, и они почувствовали бы себя очень свежими, будто бы приняв душ, – но не современный человек.

Вы столько накапливаете, что могли бы продолжать латихан многие часы... и тебя ничто не контролирует, потому что ты полностью отбросил себя. Ты не должен останавливаться, ты ничего не должен делать, поэтому ты почти придешь в состояние судороги. И ты будешь продолжать часами и в конце концов упадешь, может быть, в коме, без сознания. Может быть, ты проснешься сумасшедшим, или с действительно хорошим самочувствием, это зависит от случайности, и я не хочу, чтобы кто-то испытывал судьбу в таких случайностях.

Гораздо лучше поддерживать свидетеля, который всегда может тебя остановить, который позволит тебе всегда владеть собой, с которым ты будешь хозяином, чтобы это не начинало происходить где угодно. Это принесет больше пользы твоему телу, – столько же, что и латихан, – и для тебя самого сорок минут свидетельствования будут безмерным благословением.

Латихан вскоре будет забыт, но свидетельствование останется с тобой навечно и навсегда. Это – твоя природа.

Любимый Ошо,

Когда ты говорил о последней категории будд, о тех, кто на пути, ты сказал: «Кто примет его как мастера? Кто примет его как будду?»

Любимый Ошо, мы.

Это я знаю, даже если бы ты ничего и не говорил. Но я хотел бы, чтобы весь мир признал это, потому что в самом этом признании произойдет трансформация всего человечества.

Вы будете трансформированы, но мир велик. Миллионы людей цепляются за свое невежество, за свои суеверия, глупости, и цепляются так крепко, что, кажется, трудно их от них отсоединить, заставить осознать свою ситуацию: что они – источник собственного несчастья, собственной тьмы – что они создали ад на земле, той самой земле, которая могла бы быть раем. Она все еще может быть раем.

Вы любите меня, и вы можете меня понять, но мир в большом масштабе закрыл для меня двери. Это точно то же, что эти люди делали всю историю. Для каждого, кто был способен принести им перемены, создать в них нечто новое, они закрывали двери. Это стало почти автоматической привычкой.

Поэтому, когда я спросил, кто признает такого человека пробужденным, освобожденным, просветленным и даже вышедшим за пределы всех этих категорий, мой вопрос был адресован этому миру, который закрывал свои двери для всех будд всех веков, во всех странах. Так трудно открыть их двери.

Вы видите, как это происходит. Этого никогда не случалось в таком масштабе, потому что никто никогда не работал с таким размахом. Каждый день мне приносят новости, что еще две или три страны тоже приняли решение отказать мне во въезде в них.

Вчера вечером Хасья плакала, потому что у нас кончаются страны. Я сказал:

– Не волнуйся. Это хороший признак; это признание. Они признали с определенностью одно: что если мы впустим этого человека в страну, вся ее структура развалится.

Но как долго они могут удерживать меня? Я готовлю вас всех. Они могут удержать меня, но не могут удержать вас. Вскоре я начну посылать людей, которые способны делать мою работу. Я найду способы.

Сегодня Вивек заплакала и сказала: «Ты говоришь, что существование заботится, но на самом деле оно не заботится». Это нужно понять, потому что этот вопрос может возникнуть в умах многих других. Когда мы думаем такие вещи, у нас всегда есть требование, и если оно удовлетворено, значит, существование заботится. Вивек приводит примеры, в которых существование не позаботилось: «Сократ, Иисус, аль-Хилладж Мансур... они были распяты и убиты, и существование не позаботилось. Вскоре и ты будешь распят. Как мы можем верить, что существование заботится?»

Эта проблема очень значительна. Я хотел бы сказать вам всем: именно так существование заботится. У Сократа не было требования. И, может быть, для Сократа это было лучшим способом умереть – потому что если бы он умер по-другому, с ним умерло бы и его учение. Его учение гораздо важнее его физического тела. И это физическое тело все равно однажды умерло бы; оно не сохранилось бы навсегда. Может быть, он умер бы в тот самый день и без всякого отравления. Но отравление прояснило одно всему миру – что его учение сохранится, что его учение было признано опасным для старой сгнившей лжи. И он до сих пор современен.

Множество великих мыслителей случилось после Сократа, но они больше не современны. Существование *позаботилось* – но позаботилось по-своему, не согласно вашим желаниям, потому что если у вас есть желания, требования, вы не доверяете существованию. Доверие просто означает: что бы ни происходило сейчас и что бы ни произошло потом, это совершенно правильно.

Существование мудрее любой индивидуальности, потому что у индивидуальности есть лишь маленькое сознание. Даже если этот человек просветленный, он остается лишь каплей в безграничном океане существования. И то, что чувствует существование, правильно. Если оно чувствует, что аль-Хилладж Мансур должен быть убит, это правильно. Если оно чувствует, что Иисус должен быть распят, это правильно.

Доверие просто означает: что бы ни случилось, ты – за, радостно, не неохотно, не против воли – иначе ты упустишь всю суть, – но в танце, в песне, смеясь, любя.

Что бы ни случилось, это к лучшему.

Существование не может ошибаться.

Если оно не осуществляет наших желаний, это просто означает, что наши желания были неправильными.

Глава 4

Реальность всегда хрупка

6 мая 1986 года, утро, Пунта-дель-Эсте, Уругвай

Любимый Ошо,

В последнее время я часто испытываю чувство, что земля уходит у меня из-под ног. Мне кажется, что все, что я люблю или любил в прошлом, разрушается.

Недавнее бедствие на советской атомной электростанции болезненно подчеркивает, как хрупко и смертно все, что есть. Мои родители, мой сын, мой брат и сестра, мои друзья и любимые – все в опасности.

Мне так трудно постичь, что нет ничего, кроме этого мгновения. В страхе я спрашиваю себя: «Что же дальше?» Но кто спрашивает кого? Все кажется таким абсурдным и пустым. Иногда я чувствую, что схожу с ума.

Любимый Ошо, часть ли это роста или просто болезнь?

Времена бедствия заставляют тебя осознавать реальность такой, как она есть. Она всегда хрупка; каждый всегда в опасности. В обычные времена ты крепко спишь и поэтому не видишь этого: ты постоянно видишь сны, воображаешь прекрасные вещи, которые скоро наступят, в будущем. Но в мгновения, когда опасность непосредственна, внезапно ты осознаешь, что будущего, завтра, может не быть, и что это – единственное мгновение, которое у тебя есть.

Времена бедствия всегда несут откровение. Они не приносят в мир ничего нового; они просто заставляют вас осознать мир таким, как он есть, – они будят вас. Если ты этого не понимаешь, то сходишь с ума; если ты это понимаешь, то просыпаешься.

Это напоминает мне одну историю. У одного великого воина, одного из лучших фехтовальщиков страны, был очень преданный слуга. Он любил этого слугу и доверял ему. Когда он был далеко, слуга совершил ошибку... что было очень по-человечески. Вернувшись, этот воин пришел в такой гнев, что вызвал слугу на поединок, на дуэль на мечах – потому что не хотел его убивать. Совершенная им ошибка была достаточно велика, хотя он и не понимал этого. Он испортил одну из великих картин, чистя ее.

Воин сказал:

– Я тебя так любил, что не могу убить. Я дам тебе шанс: ты будешь драться со мной. Возьми этот меч и идем на место поединка.

Слуга сказал:

– Ты знаешь, господин, что я даже не умею держать меч. Лучше убей меня сразу; все равно ты меня убьешь – ты известный фехтовальщик. Мне никогда не выйти победителем из этой схватки.

Но хозяин был упрям. Он сказал:

– Тебе придется со мной драться.

Тогда слуга сказал:

– Тогда дай мне хотя бы один час. Мне придется пойти к мастеру, у которого я учился медитации, – просто чтобы отдать дань уважения, последнюю дань, потому что я не думаю, что выживу в схватке с тобой.

Ему было дано это время. Он пришел к мастеру.

Мастер рассмеялся. Он сказал:

– Не волнуйся. Для тебя это хорошая возможность, потому что абсолютно определенно, что он, великий воин, убьет тебя. Ты ничего не знаешь о фехтовании, поэтому ты будешь убит.

У тебя нет никакого будущего, у тебя нет никакой возможности победы, есть лишь это мгновение. Почему бы тебе не быть тотальным хотя бы однажды в жизни?

Я знаю этого человека, воина: он не оставит тебя в покое, если уже сказал, что это сделает. Но он дал тебе шанс, и я думаю, что это великая возможность.

Слуга не мог понять. Он сказал:

– Какая же это возможность? Он просто убьет меня! Я даже не умею держать меч, а он – один из великих чемпионов. Для него это будет просто игрой.

– В этом вся суть, – сказал мастер. – Он думает, что ты просто слуга; что ты можешь сделать? Он не будет бояться смерти; он не будет думать, что у него нет будущего. У него по-прежнему будет завтра и будущее. Он будет в обычном сонном состоянии.

Ты же – не будешь. У тебя нет никакого завтра, у тебя нет будущего: только это мгновение. Тебе нечего терять. Ты умрешь; так почему бы не быть тотальным и не дать ему хороший бой? И не беспокойся о том, что ты не знаешь фехтования. Используй это мгновение с тотальной интенсивностью.

Тем временем собралась вся округа. Пришел слуга. Конечно, воин оставался на обычном уровне сонности – для него убить этого человека казалось шуткой.

Но для слуги это не было шуткой; это был вопрос жизни и смерти. Он дрался так отчаянно, так тотально, что его хозяин начал отступать. Он никогда не видел... он дрался всю жизнь, но никогда не видел такого борца! Все воины, с которыми он сталкивался, жили в обычной реальности, в таком же сне, что и он; не было никакого страха, что с будущим покончено, или что завтра не наступит.

Но для слуги все подошло к концу, так почему бы не сделать все возможное? Он совершенно не знал этого искусства – но когда приходит конец, какая разница, правильно или неправильно ты атакуешь? И это испугало воина еще больше. Он умел сражаться с людьми, которые знали это искусство, – но этот человек ничего не знал. Он просто наносил удары со всех сторон, не понимая, что делает! Он был тотален и интенсивен, потому что это мгновение было последним, и он не хотел ни за что держаться. Зачем? – потому что в следующее мгновение наступит смерть.

И он был полностью пробужден – все его существо было тотально и интегрировано, – и он победил своего хозяина. Он не убил его, но хозяин упал. И слуга приложил меч к его груди и сказал:

– Что ты теперь хочешь? Я всегда любил тебя, я не могу тебя убить. Но признаешь ли ты поражение?

И впервые в своей жизни этот воин признал поражение.

Тысячи людей были свидетелями этой сцены. Они не могли поверить, что это удалось обычному слуге. И мало того, что он победил... в то же мгновение он бросил меч и сказал своему хозяину:

– Теперь я больше не твой слуга. Я нашел свой путь. Я тебе благодарен и всегда буду благодарен; именно благодаря тебе я проснулся.

Он стал просветленным человеком. В это мгновение он испытал тотальность своего существа, самую вершину своего существа.

Как ты используешь это мгновение, зависит от тебя: ты можешь впасть в панику, сойти с ума, испугаться, упасть и заплакать. Но это не поможет твоей семье, друзьям и любимым. Не поможет это и тебе.

Бедствие в России просто создало ситуацию, в которой те, у кого есть немного разума, начнут посвящать больше и больше времени медитации, потому что завтра действительно неопределенно. Оно всегда было неопределенным, но теперь – больше чем когда-либо. Это бедствие, может быть, – только начало цепи бедствий, потому что этим атомным заводам не свойственна безопасность. Если что-то выйдет из-под контроля – а мы знаем, что на одном

заводе это уже случилось, – никто ничего не может сделать, все просто беспомощны. Эти люди не могут контролировать энергию, которую создают.

То же самое бедствие может случиться в Америке, может случиться в Германии. Рядом с тем заводом, который сгорел, находятся еще два завода такого же возраста; они построены одним и тем же архитектором. Наверное, у них одни и те же недостатки. Очень вероятно, что вскоре взорвется и второй завод, а там недалеко и до третьего. Все эти бедствия могут вызвать панику у людей, работающих на других заводах; они могут потерять так называемый контроль за своим поведением. Они могут начать совершать ошибки, которых не совершали раньше, просто в лихорадочном, нервном состоянии. Дело только за тем, чтобы нажать на неправильную кнопку. Но ты можешь использовать это мгновение как великую возможность.

Ты знаешь старую пословицу: «Никогда не посылай спрашивать, по ком звонит колокол, – он всегда звонит по тебе». Когда кто-то умирает, церковный колокол сообщает об этом всей деревне. Но никогда никого не посылай узнать, по ком звонит колокол; он всегда звонит по тебе. Кто бы ни умер сейчас... каждая смерть – это твоя смерть, потому что каждая смерть – это напоминание, что ты не останешься навсегда. Каждая смерть – это возможность проснуться. Прежде чем придет смерть, используй возможность жизни достичь чего-то такого, что за пределами смерти.

Бесполезно беспокоиться, потому что ты только упустишь это мгновение и никому не сможешь помочь. В опасности не только твои родители, друзья и любимые: в опасности весь мир. Дело только за тем... Кто-то в опасности сегодня, кто-то другой будет в опасности завтра – но опасность есть. Научись секрету, как трансцендировать опасность.

И вот в чем секрет: начни жить более полно, более тотально. Будь бдительнее, чтобы ты мог найти у себя внутри нечто такое, что недостижимо для смерти. Это единственный приют, единственная безопасность, единственная защищенность. И если ты хочешь помочь своим друзьям и семье, позволь им узнать этот секрет.

То, что случилось, случится снова и снова, потому что есть так много атомных станций, даже в неразвитых странах, у которых нет развитых технологий, которые технически до сих пор находятся в эпохе воловьих упряжек, отставая почти на две или три тысячи лет. Они не современны, поэтому эти последние технические достижения им неизвестны. Но они должны их строить, потому что другие строят, из соревнования и страха...

И это случилось в Советском Союзе, технологически современном. Что будет, если это случится в Пакистане или в Индии? У них нет никакого технического здравого смысла. Между ними и атомной технологией такое непреодолимое расстояние. Американские или советские технологи могут прийти, построить завод и передать им, но справляться с заводом будет трудно.

Я знаю, что в Индии есть люди, которые никогда не видели поезда, – и мне кажется, наверное, в Индии больше поездов, чем в какой-либо другой стране. Но о далеких местах они только слышали. Они видели самолеты, потому что они пролетают над ними по небу. Они никогда не видели тысяч технологических средств, которые мы используем, не осознавая того, что они были у человека не всегда. Это очень новые приспособления, но у нас нет связующего звена. У них нет никакого связующего звена с их прошлым, с их умом, с их привычками.

Вся технология в Индии была представлена англичанами в эти последние триста лет; иначе технологии не было бы вообще. В ней не было необходимости.

Я слышал... строили железную дорогу, первую железную дорогу – из Калькутты в Бомбей, чтобы соединить два самых больших города, – и один человек отдыхал под деревом, смотрел, как продолжается работа... индус. К нему подошел британский офицер и сказал:

– Ты можешь хорошо заработать, если присоединишься к работе. Я долго наблюдаю за тобой: ты приходишь, наслаждаешься, наблюдая, что происходит, но просто лежишь в тени под деревом.

– Но что я выиграю, заработав денег? – спросил этот человек.

– Заработав денег, – сказал британский офицер, – ты можешь расслабиться и отдохнуть.

– Странно, – сказал этот человек, – я уже расслабляюсь и отдыхаю. Поэтому зачем делать себе труд и зарабатывать деньги? Что добавят деньги к моему расслаблению и отдыху?

И ответить на это нечего.

Такой была ситуация в Индии, прежде чем начался Британский Радж { То есть британское господство. – Прим. перев. }.

В семье работали не все; работали лишь немногие, кто хотел, любил работать. Остальные просто наслаждались: играли на флейте, ходили купаться, отдыхали под деревьями, лазали по деревьям, ели фрукты – потому что земля была так плодородна, а население – так малочисленно, что не было необходимости в том, чтобы работали все; это было не нужно. Одного работающего было достаточно на семью из пяти человек; остальные могли просто наслаждаться.

Индийский подход до сих пор остался прежним. Они все еще живут в прошлом... и вы дали им технологии, которые опасны, а в их руках – *очень* опасны. Это все равно что дать мощную машину человеку, который только и умеет, что управлять воловьей упряжкой: неизбежно случится какой-то несчастный случай.

Я слышал об одном индийском радже. Он был богат, и поскольку у британских генерал-губернаторов и губернаторов были прекрасные машины, он тоже купил прекрасную машину. Он поехал кататься, но забыл, как тормозить, и в конце концов не нашел ничего лучшего, чем врезаться в дерево, чтобы остановить машину. Как иначе ее остановить? Машина остановилась, и он был очень доволен. Он приехал домой и врезался в дом! Люди собрались и стали спрашивать:

– Что ты делаешь?

– Это прекрасная машина, – отвечал он, – но только ее немного трудно останавливать. Для этого нужно дерево или дом – что-то, чтобы ее остановить; иначе она продолжает ехать. Но ничего страшного... у нас здесь достаточно деревьев и домов.

Бедствия *будут*. Это только начало. Используй эту возможность, чтобы проснуться, – вот все, что ты можешь сделать. Больше ты ничего не можешь сделать.

И скажи своим друзьям использовать опасность для медитации, потому что бедствие, случившееся на станции в Чернобыле под Киевом, – не что-то такое, что случилось и кончилось. Его последствия будут продолжаться десятилетиями, по крайней мере, тридцать лет. Дело не только в том, что какой-то дом сгорел, и все кончилось...

Вокруг Киева, особенно по всей Украине, где находится Киев... Украина – самая продуктивная часть Советского Союза, производящая зерно и другие продукты продовольствия. Но теперь в течение тридцати лет в Украине ничего нельзя будет выращивать.

Тридцать лет радиация будет влиять на фрукты, овощи, пшеницу, молоко... потому что коровы едят траву. И все живое: трава, пшеница, фрукты – немедленно накапливает радиоактивность; она становится ее частью. И когда ты ешь, она входит в твою систему.

Тысячи женщин беременны. Если в них вошла радиация, их дети рождаются искаженными, слепыми, калеками, без мозга – все возможно. Лучше всего было бы, если бы они родились мертвыми; все остальное будет пожизненной трагедией. И это опасно не только для живых, но и для тех, кому еще предстоит родиться. И то же самое верно в отношении животных. Если они беременны, их детеныши будут калеками.

А правительства продолжают лгать. Вы можете увидеть, до какой степени могут лгать политики. Две тысячи человек погибло в чернобыльском бедствии, а Советский Союз объявил, что погибло только два человека. Можете представить себе масштаб?... Две тысячи человек погибло – были свидетели, видевшие своими глазами две тысячи трупов, вынесенных из горящего завода, – а Советский Союз объявляет по радио, что только два человека погибли, и все под контролем. Ничто не было под контролем.

На следующий день это стало очевидно: радиоактивное облако стало двигаться в другие страны, и уровень радиации возрос.

Человек может выдержать только определенный уровень – он возрос в двадцать раз, в сто раз, в двести раз в некоторых местах. В Вене он в двести раз превышал норму, в Лондоне – в сто раз, и во всех этих местах беременные женщины были в опасности – и не только они, но и их будущие дети. И это будет продолжаться: если этим детям будет позволено выжить, они создадут новых детей, и радиация будет постоянно воздействовать на них...

Это не небольшая трагедия; ее масштаб огромен. И многие вещи, сейчас неизвестные, выяснятся, когда пройдет время. Рыба в океане получит радиацию: ты ешь рыбу и получаешь радиацию. Вода станет непригодной для питья, потому что радиоактивный пепел легко оседает в воде. Атомная бомба, взорванная в Хиросиме и Нагасаки во второй мировой войне, была лишь небольшой игрушкой в сравнении с этими атомными реакторами и ядерными ракетами. Но даже сейчас последствия продолжают, потому что они передаются от поколения к поколению. Вы не можете контролировать рыбу; она перемещается с места на место, и никто не знает, куда она переместится.

Советский Союз объявил, что на Украине не будут собирать урожай тридцать лет, но это значит, что на тридцать лет Советский Союз, одна из величайших стран, будет самой голодной страной. Ей придется зависеть от бедных стран. А для бедных стран, которые производят только продукты питания, все так сложно, что их продукты можно купить в обмен на вооружение. Они хотят оружия.

Они готовы отдать свою пшеницу и еду в обмен на оружие, потому что они постоянно боятся, потому что их ближайшие соседи накапливают оружие. Поэтому Советский Союз будет продавать старые вооружения, которые будут бесполезны, если случится новая война, чтобы обеспечить себя продовольствием.

Еще одно такое бедствие... И все зависит от ветра. Вы не можете его контролировать; ветер может отнести облака, дым, радиацию в любом направлении, в любую страну, куда угодно. Поэтому бедствие повлияет не только на место, где оно случилось, и его окрестности. Оно может случиться где угодно, а вы можете находиться за тысячи миль от этого места, но все равно подвергнуться его влиянию, потому что радиацию может перенести ветер. И вы будете более уязвимы, потому что вы не будете так бдительны и не предпримете никаких мер предосторожности.

Есть одно лекарство – и его используют впервые, – которое, по мнению людей, может предотвратить действие радиации, но его запасы кончились во всех странах. Люди умирают, чтобы добыть это лекарство, особенно в Европе, но его запасов не осталось, потому что никто не думал, что на него возникнет такой спрос. И никакая другая страна не хочет им делиться, потому что – кто знает? – может быть, облако начнет двигаться к ним, и они окажутся в таком же положении.

Опасность *больше*, но так как жизнь постоянно в хватке смерти, это хорошая возможность для осознанности. Иначе смерть приходит без предупреждения: внезапно она наступает, и у тебя нет ни единого мгновения. И даже в случаях, когда смерть определена: при раке или СПИДе, – врачи, семья, друзья, все пытаются скрыть тот факт, что она так близка... с хорошими намерениями, но хорошие намерения не помогут. Они только вредят человеку.

Человеку нужно позволить осознать:

– Твоя смерть наступит через месяц. У тебя больше нет никакой жизни, поэтому в этот месяц делай что только возможно, чтобы получить некоторый вкус бессмертия.

Тогда, когда ты умрешь, не будет ни грусти, ни страдания – ты просто переместишься из одного тела в другое, или если ты станешь просветленным... Внезапное осознание смерти может сделать тебя просветленным.

Я расскажу вам историю. Экнатх, очень красивый мастер и поэт, жил в храме Шивы. Он был очень независимой индивидуальностью. А король был атеистом, и он был очень рационален и убедителен. Все его ученые и мудрецы пытались убедить его в том, что Бог существует. Кажется, не было никакого способа... И в конце концов они сказали:

– Пойди к Экнатху. Это единственный человек... может быть, у него получится.

Король отправился к нему инкогнито. Он пришел к нему утром; было девять часов, и Экнатх крепко спал. Король подумал: боже мой! И этот человек будет моим учителем? – потому что теисты и особенно святые просыпались до рассвета, а он крепко спал в девять часов! И мало того, его ноги лежали на Шивалинге, фаллической статуе Шивы. Король подумал про себя: «Даже я не могу коснуться Шивалинга ногами. Хотя рационально я думаю, что Бога нет, глубоко внутри я боюсь: кто знает? – может быть, он и есть. Кажется, этот человек зашел еще дальше, а эти придворные идиоты отправили меня к нему!»

Он стал ждать. Экнатх проснулся. Он спросил:

– Так зачем ты сюда пришел?

– Я пришел понять, есть ли Бог, – сказал король, – потому что по всем моим аргументам выходит, что его не существует. Но мой народ, друзья, семья – все они верят в Бога, и они захотели, чтобы я посетил тебя.

– Просто покажи мне твою руку, – сказал Экнатх.

Король подумал: кажется, этот человек действительно сумасшедший! – потому как что общего с Богом имеет моя рука?

Экнатх посмотрел на руку и сказал:

– О Боге мы можем поговорить потом... но через семь дней ты умрешь. Я должен сказать тебе это прежде всего, потому что у меня не очень хорошая память, я могу забыть. Твоя линия жизни кончилась – осталось лишь семь дней. Теперь мы можем начать беседу.

Но теперь король не хотел беседовать; он испугался смерти. Он уже спускался по ступеням храма. Экнатх спросил:

– Куда ты?

– Теперь не нужно никаких бесед; у меня нет времени. Только семь дней! Я не могу терять время впустую в беседах.

Всего несколько мгновений назад он выглядел таким сильным, а теперь он дрожал и спускался по ступеням – всего семь дней!

Он добрался до дома и сказал:

– Я не знаю, что это за человек, но он великий хиромант, в этом нет сомнений. Он объявил, что через семь дней я умру. Он показал мне, что моя линия жизни заканчивается – остался лишь небольшой участок.

И зная, что он скоро умрет, он стал готовиться к смерти. Он перестал работать. Он лег в постель и стал слабым и бледным. Собрались все его родственники. Многие королевские семьи были в родстве, поэтому собрание было большим. Он слабел и слабел с каждым днем: его голос становился тише, глаза гасли. Экнатх сказал:

– На седьмой день, когда солнце сядет, – кончено. Пришла твоя смерть.

И перед закатом вся семья заплакала, родственники заплакали.

Пришел Экнатх. Он спросил:

– В чем дело? Почему такой плач?

– Наш король умирает, – ответили они.

– Я хотел бы его увидеть, – сказал Экнатх. Он пришел к королю, потряс его и сказал:

– Проснись и посмотри на меня. Это была только шутка – я ничего не знаю о хиромантии! Даже та линия, которую я тебе показал, не была линией жизни. Я спросил других хиромантов, и они сказали: «По крайней мере, ты должен знать, где какие линии!» Ты не умрешь.

А теперь проснись, посиди со мной, и мы можем побеседовать о том, о чем ты приходил со мной поговорить.

Король сказал:

– Теперь нет необходимости беседовать. Бог не имеет значения. За эти семь дней я понял, что имеет значение, – смерть была так близко, что я не мог продолжать спать, – мне пришлось проснуться. Я не мог тратить время впустую на ненужные мысли. Мне пришлось наблюдать свои мысли, пока они не исчезнут, и они *исчезли*.

Ты был прав: с заходом солнца – солнце садилось – человек, который пришел задавать тебе вопросы, действительно умер; я совершенно другой человек. Бог или нет... меня это больше не заботит. Теперь в моем существе есть совершенно другое измерение. Я знаю свое бессмертие, я знаю свою божественность; что мне теперь до какого-то Бога? Все существование божественно.

Твоя шутка действительно сработала, но у тебя странные методы работы. Ты мог действительно меня убить. Если бы я не был достаточно бдителен, на закате я бы точно умер. Это было для меня так определено, что просто не могло быть по-другому. Но в метафорическом смысле это правда: старый человек умер, и я – новый человек. И меня совершенно ни в каком смысле не интересует Бог.

Экнатх сказал:

– Это правильно, это правильная религиозность.

И король сказал:

– Теперь я понимаю, почему такой человек, как ты, может спать допоздна, до девяти, положив ноги на голову Шиве. Теперь нет никаких проблем; я могу понять. Если ты чувствуешь собственную божественность, тогда статуя – это только камень. Тогда нет речи о том, чтобы вставать до рассвета. Когда бы ты ни проснулся, тогда и рассвет. Человек становится спонтанным.

Поэтому дело только в том, как это использовать – что бы то ни было. Используй это правильно. Бедствие велико, опасность велика, но велика и возможность.

Любимый Ошо,

Есть ли нечто подобное смеси гипноза и медитации? – потому что в твоём присутствии я чувствую себя, словно зачарованный, и все же осознаю и все вокруг себя.

В моем присутствии это может случиться – смесь того и другого... молчание, в котором кажется, словно тебя нет, и все же ты бдителен в каждой мелочи, что происходит вокруг. Мое присутствие – это совершенно другого рода гипноз, и одновременно – медитация.

Этого никогда раньше не пробовали. Если ты испытываешь только гипноз, то не можешь осознавать других вещей вокруг себя: ты уснешь, глубоко уснешь. Ты будешь слышать голос гипнотизера, но не будешь слышать больше ничего. Если ты медитируешь, ты станешь бдительным и будешь слышать все, что происходит вокруг, в ясной бдительности, но не найдешь этой сглаживающей мягкости, словно ты спишь и все же бодрствуешь. И именно это происходит в моем присутствии – одновременно.

Я не хочу, чтобы вы были под гипнозом; это старый и грубый метод. Я хочу, чтобы вы были в очень мягком гипнозе. Нет никаких попыток тебя загипнотизировать, но поскольку ты так внимателен, слушая меня, это просто побочное следствие – ты настолько полностью осознан, что получаешь эффекты того и другого, лучшее от того и другого. Гипноз даст тебе гладкость, приятное ощущение расслабления, а бдительность сделает тебя свидетелем всего, что происходит вокруг. И они не будут противоречить друг другу. Мое усилие – создать эту синхронность.

Именно поэтому я не хочу снова создавать коммуну, но только школу, где я смогу разговаривать с группами людей. Тогда все они очень близко, и все они могут войти одновременно и в гипноз, и в медитацию.

Твое понимание правильно: именно это происходит. Это никогда раньше не испытывалось. Люди пробовали медитацию, пробовали гипноз – но всегда по отдельности. Поэтому в медитации есть некоторая сухость, в гипнотизме – бессознательность, но в этом новом сочетании появляются новые качества.

Есть медитация, но она не суха и безжизненна, потому что гипноз позволяет тебе чувствовать расслабление, покой, сон. Есть и гипноз, но в нем нет бессознательности, потому что медитация поддерживает в тебе бдительность. Никто никогда не пробовал этого сочетания по той простой причине, что эти две вещи считались противоречащими друг другу – как можно их сочетать? Но, как вы знаете, я человек противоречий: я не верю ни в какие противоречия; в моем понимании все противоречия могут быть взаимодополняющими. И медитация и гипноз вместе – гораздо более богатый опыт, чем может дать каждый из них по отдельности.

Любимый Ошо,

Если бы кто-нибудь меня спросил: «Кто хозяин этого дома?», я бы ответил: «Мой мастер, конечно. Он живет наверху». Но каким-то образом я чувствую, что если бы тебе задали тот же вопрос, ты бы ответил: «Я здесь только гость. Хозяина нет».

Правда ли это?

Это правда. Я могу быть вашим мастером, только если меня *нет*. Если я *есть*, тогда я не могу быть настоящим мастером; тогда я могу быть только эгоистом, эксплуатирующим людей.

Я – только гость. Это значит, что вы не можете принимать меня как должное. Сегодня я здесь, завтра, может быть, меня не будет. Сегодня я доступен, завтра, может быть, я не буду доступен. Сегодня я говорю, завтра – могу перестать говорить. Я непредсказуем. В этом смысле я только гость.

Индийское слово «гость» очень красиво; индийское слово – *атитхи*. «Титхи» значит «дата», а *атитхи* – тот, кто приходит, не давая даты, кто входит, не давая даты. Он приходит внезапно и внезапно уходит. Его приход и уход нельзя контролировать. Он приходит и уходит, как порыв ветра: приходит, ты чувствуешь его прохладу, и вот его нет. Ты не можешь его остановить. Если ты закроешь все двери и окна, чтобы он не мог выйти, никакого ветерка не будет; будет только застойный воздух.

Мастер так же свободен, как порыв ветерка.

И мастер отсутствует в том, что касается личности. Он только проводник – флейта, полный бамбук, – позволяющий существованию достичь тебя. Его функция не в том, чтобы что-то делать; его функция в том, чтобы не мешать существованию достичь тебя. Он – не-делатель: он не может ничего поставить себе в заслугу. Он – только инструмент в руках существования. Какую бы песню, какую бы музыку существование ни захотело на нем сыграть, оно играет. В мастере нет никакой помехи, никакой преграды.

Поэтому ты прав: ты можешь сказать, что твой мастер живет наверху. Мастер всегда живет наверху. Но я не могу сказать, что я мастер; я могу сказать только, что я полный бамбук. Ты можешь сделать из меня флейту; существование может воспользоваться мною, чтобы спеть свою песню. Мое качество лишь в том, что я не встану у него на пути. Я позволю существованию во всей его чистоте коснуться твоего сердца.

Ничто из того, что я скажу или сделаю, не будет моим.

Вы видели мою подпись. Тысячи людей спрашивали меня: «Что значит эта подпись? На каком языке ты расписываешься?» Она ничего не значит! Это никакой не язык. Я отвечал по-разному, но, фактически, я не могу расписываться – меня нет. Поэтому я просто создал

символ. Моя подпись ничего не говорит; она только символична. Она показывает что-то, но ничего не говорит, она ничего не значит. Это не мое имя.

Это величайшее благословение для мира – быть в том состоянии, когда ты можешь сказать: «Меня нет, есть только существование».

Глава 5

В то мгновение, когда истина идет на компромисс, она умирает

6 мая 1986, вечер, Пунта-дель-Эсте, Уругвай

Любимый Ошо,

В Уругвае пришло все. Небольшая группа друзей, слушающих, как говорит молчание.

Любимый Мастер,

В чем суть дзен?

Это один из важнейших вопросов, которые только можно задать. Маленькое слово «дзен» содержит всю эволюцию религиозного сознания. Оно также символизирует свободу от религиозных организаций, от священничества, от любого рода теологии, от Бога. Это небольшое слово может воспламенить твое существо.

Сначала посмотри на историю этого слова, потому что это поможет тебе понять его суть. Слово дзен – японское, но не японского происхождения; это японское произношение китайского слова *ч'ань*. И вы должны помнить, что китайский и японский – не алфавитные языки, поэтому произношение различается. Даже в Китае у одного слова ты можешь найти сотни произношений – это огромная страна. И этот язык не алфавитный, а символичный. Именно поэтому так трудно изучить китайский или японский язык.

Чтобы действительно овладеть китайским языком, необходимо, по крайней мере, тридцать лет тяжелой работы. Так как это не алфавитный язык, ты должен запомнить значения, по крайней мере, миллиона слов – это минимум, потому что каждое слово – это отдельный символ. В алфавитных языках все проще. Один и тот же алфавит составляет разные слова, но алфавит остается прежним.

В китайском языке каждое слово независимо. Ты должен запомнить значение символа; язык – символический, образный. Но тогда очень трудно поддерживать одно и то же произношение; невозможно поддерживать одно и то же произношение, потому что у символа нет зафиксированного произношения. Ты найдешь, что в разных частях Китая одно и то же слово произносится по-разному.

Японцы могут читать по-китайски, но у них другое произношение. Китайский и японский языки различаются только произношением – символы одни и те же. Но произношение настолько разное, что их нужно воспринимать как два разных языка.

Итак, именно символ *ч'ань* японцы ухитряются произносить как *дзен*. Но странным образом это слово подошло очень близко к изначальному. Слово *ч'ань* – тоже не китайское. Оно пришло в Китай с буддистскими монахами около двух тысяч лет назад. Буддисты использовали язык пали; их слово было *джхан*. Оно стало китайским *ч'ань*. Палийское слово *джхан* происходит от санскритского *дхиан*; у него долгая история путешествий по разным формам и смыслам.

Именно *дхиан* мы переводим как «медитация», чистая медитация, просто свидетельство. Нет речи ни о какой религии. Не нужно никакого катехизиса. Тебе просто не нужно никаких предварительных условий. *Дхиан* совершенна в себе самой. Это начало и конец всей эволюции сознания, альфа и омега.

Люди знают, что такое молитва, потому что обычно все религии зависят от молитвы; *дхиан* – это прямая противоположность молитвы. Молитва направлена, адресована Богу, который является только гипотезой. Ты что-то говоришь, повторяешь мантру, что-то поешь, про-

славля Бога. И это либо из страха, либо из жадности. Либо ты боишься и поэтому вспоминаешь Бога, либо тебе что-то отчаянно нужно, и ты видишь, что не можешь этого устроить, и поэтому просишь Бога помочь. Но страх и жадность не могут быть религией, и истина не может основываться на гипотетическом веровании. Если ты начнешь с верования, то и закончишь верованием; ты никогда не узнаешь, какова фактическая ситуация.

Дхиан – этому прямая противоположность, никому не адресованная – нет Бога, нет речи о страхе, нет речи о жадности. Это нечто такое, что приводит тебя вовнутрь. Молитва выводит тебя наружу, а все, что уводит тебя наружу, просто мирское – делаешь ли ты это в церкви, мечети или храме, не имеет значения. Если только ты не увлечен вовнутрь, к самому центру твоего существа... ничто другое не религиозно.

Таким образом, религия очень проста: это просто вхождение в свой собственный центр.

Дхиан – это процесс возвращения к себе: оставляя снаружи тело, оставляя снаружи ум, оставляя снаружи все – уничтожение всего методом «я не это», – пока ты не придешь к точке, где уничтожать нечего.

И страннее всего тот опыт, что когда ты уничтожил все, нет больше и тебя как старого человека, которым ты обычно был, старого эго, старого «я». Это было просто сочетанием всего того, что ты уничтожил. Мало-помалу, сам того не зная, ты разрушил свое эго. Теперь есть лишь чистое сознание, лишь свет, вечный свет.

Дхиан была принесена буддистами в Китай, но в Китае случилась великая трансформация, потому что Китай подвергся великому влиянию Лао-цзы, и всем его учением было «тотально отпустить себя на свободу» («*Total let-go*»).

Гаутама Будда борется, чтобы войти в собственное существо; в предельной точке он приходит к тому, чтобы полностью отпустить себя, но это – последнее. Устав от всех усилий, борьбы, аскетических практик, в конце концов он отбрасывает все. И в этом расслаблении случается то, чего он желал годами. Это происходит, когда в нем не остается желания этого. Лао-цзы начинает с того, чтобы «полностью отпустить себя» – и это была красивая встреча.

Религии встречались и в других местах, но это было уродливо: мусульмане и христиане, мусульмане и индуисты, христиане и индуисты, но все их встречи были конфликтами, борьбой, насилием. Проливалась кровь – в великих усилиях обратить друг друга!

Единственная религиозная встреча, которой можно восхищаться, случилась в Китае между буддистскими и даосскими монахами. Они не спорили, не сражались, не пытались никого обратить. Фактически, видя друг друга, они тотчас же поняли, что находятся в одном и том же пространстве. Из этого соединения буддизма с даосизмом родилась *ч'ань*.

Это единственная встреча религий, о которой можно сказать, что она была дружественной, сострадательной, любящей. Не было совершенно никакого конфликта, не было даже спора, сущее понимание. В глубоком молчании те и другие смогли увидеть, что, хотя их пути и были разными, они прибыли к одной и той же вершине. У даосов не было для нее названия; они оставили ее неназванной. Буддисты дали ей имя, *дхиан*. Но оно было таким новым, что для него пришлось создать новый символ, и этот символ произносился как *ч'ань*. Он остался кульминацией и синтезом двух величайших и наиболее высокоразвитых религий – но остался ограниченным буддизмом и даосизмом.

Когда он был принесен в Японию японскими искателями, он достиг новых высот; он освободился даже от буддизма и даосизма и превратился в просто *дзэн*. Он совершенно не нуждался в поддержке никаких буддистских доктрин; не нуждался он и в поддержке даосской философии. Он был так завершен и совершенен сам в себе, что в Японии *дхиан*, под именем *дзэн*, пришла к своему чистейшему качеству. Нигде больше в мире этого не случилось.

Сущность в свидетельствовании. *Дзэн* совершенно лишен всякой доктрины; у него нет учения. Человеку *дзэн* нечему учить; у него нет ни философии, ни религии. Он может только

объяснить тебе путем различных средств молчание. Дзэн развил новые средства, которых не было ни в буддистской *дхиан*, ни в китайской *ч'ань*.

Дзэн принял совершенно новое направление, новую свежесть, новое рождение. Даже даосам и буддистам дзэн кажется немного странным. Самые ортодоксальные смеются над ним, называя его абсурдным.

Я видел выдающихся буддистских монахов. Один был Бхиккху Шангхаракшита. Он был англичанин. Наверное, он стал буддистским монахом очень молодым; теперь он очень стар. Он живет в Калимпонге, как раз на границе Индии и Китая. У него есть небольшая коммуна, и он очень уважаем. Он написал прекрасные книги о буддизме, но когда я упомянул дзэн, он рассмеялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.